

ТЕРИ НОВА

СТАЛЬНОЙ
Steel Phantom
ПРИЗРАК

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Тери Нова

Стальной призрак

Серия «ROAD CLAN», книга 1

<https://litres.ru/73755599>

SelfPub; 2026

Аннотация

Авелин запрещали приближаться к мотоклубу, и не зря. Как дочь мэра, она всегда следовала правилам, пока однажды по неосторожности не попала в поле зрения опасного байкера.

Корвин влюбился в Авелин, когда был еще подростком. Она стала его недостижимой мечтой, которую отобрали.

Теперь они оба выросли, Авелин вернулась в город, а Корвин хочет вернуть то, что считает своим. Он ждал слишком долго, и на этот раз подготовился — в багажнике его «Понтиака» лежат клейкая лента и моток веревки.

Любовь на грани одержимости заставляет идти на отчаянные меры.

Содержание

Плейлист	4
Пролог	9
Глава 1	17
Глава 2	29
Глава 3	45
Глава 4	60
Глава 5	77
Глава 6	90
Глава 7	106
Глава 8	122
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Тери Нова

Стальной призрак

Плейлист

Hollowframe – Where I Left You

Empathy Test – Vampire Town

Flora Cash – Sadness Is Taking Over

Shamrain – Shallow Delusion

Bad Omens – Dying To Love

Evanescence – Hello

Evanescence – My Last Breath

KamNox – After The Crack

Leap – Where The Silence Goes

Cinnamon Chasers – I Feel So Fcking Brand

Silent Anthem – Poison

Arctic Monkeys – Don't Sit Down

You Me At Six – Room To Breathe

Oasis – Stop Crying Your Heart Out

Список тропов

МОТОКЛУБ

он влюблен в нее с детства

одержимость, похищение

Стокгольмский синдром

им нельзя быть вместе

член банды и дочь мэра

городские легенды

вынужденная близость

криминал

оба героя девственники

Всем людям время от времени нужно убежище. Одни находят его в глубине заброшенного рудника, другие – в человеке...

Пролог

Корвин

Срочное собрание, созванное президентом клуба, заканчивается, поднимаясь с места, стараясь избегать ненужных разговоров и не привлекать к себе дополнительного внимания. Мне необходимо убраться как можно скорее, пока ситуация не вышла из под контроля, есть только один шанс сделать все правильно. Другие члены нашего мотоклуба продолжают непринужденно перекидываться словами, их обрывает дверь бара хлопающая за моей спиной с тяжелым стуком. Только что отполированный «Pontiac Firebird» семьдесят четвертого года сверкает как новенький. В отражении на черном кузове сразу замечаю выходящую следом за мной высокую фигуру Слэйда. Дверь бара хлопает во второй раз, и голос старшего брата настигает меня, пригвождая к месту.

– Вин, постой!

Не оборачиваюсь сразу, пытаюсь взять лицо под контроль, пока он не подошел достаточно близко, чтобы заметить как мышца на моей челюсти нервно подергивается. Слэйд – президент «Клана дороги» и человек, практически вырастивший нас с Ривеном, я обязан ему всем.

Пока он приближается, я успеваю прислониться спиной к багажнику, небрежно положив руки на металл по обе стороны от себя и приготовившись слушать. Главное держаться

как обычно, тогда Слэйд довольно скоро оставит меня в покое и вернется к своим делам.

– Я хотел поговорить наедине, пока ты не уехал, – он вытаскивает пачку сигарет из кармана, протягивая мне одну, отказываюсь и просто достаю зажигалку, чтобы чем-то занять руки.

– В чем дело?

– Ты какой-то взвинченный в последнее время, – Слэйд нарочно растягивает слова, вглядываясь в мое лицо. – У тебя все нормально?

Я даже не пытаюсь солгать, грубо отрезая.

– Заделался психологом? – в моей манере нет ничего нового, обычно я не из тех, кто ведет светские беседы и говорит по душам. Даже если на месте собеседника мой собственный брат. Пусть кто угодно другой обнажает свое нутро, мои демоны прекрасно чувствуют себя взаперти, когда их не трогают сторонники психоанализа.

– Твои действия привлекают слишком много внимания к клубу. Люди пропадают, у властей возникает все больше вопросов, – прямо говорит он. Не выдержав давления, достаю сигарету из собственной пачки и прикуриваю, молча делая затяжку. Жду, зная, что далее последует отеческое напутствие, оно же – приказ, который не подлежит обсуждению. – Отдохни немного, заляг на дно, займись чем-то, что не доставляет проблем.

Как только он заканчивает предложение, из багажника

раздается глухой стук.

Блять!

Слэйд тяжело вздыхает, а я выбрасываю недокуренную сигарету и снова кладу руки на гладкий металл.

– Об этом я и говорил, – он качает головой, не глядя на меня. Стук как назло повторяется, Слэйд наконец докуривает сигарету, дважды постукивая по крышке багажника. – Что бы этот бедолага ни натворил, избавься от него как можно скорее и сделай перерыв. Позвоню, если твоя помощь понадобится.

Я не корректирую ложную теорию брата, потому что это только растянет беседу и усугубит мое положение. В багажнике машины слишком мало места, чтобы кислорода хватило надолго даже с учетом всех проделанных модификаций. Слэйд отступает, давая мне возможность пройти к водительскому месту и сесть за руль. Пальцы все еще теплые от соприкосновения с нагревшимся багажником, я пытаюсь представить, что это была *ее* нежная разгоряченная кожа, но терплю неудачу.

Слэйд все еще стоит там, пока рев мотора заглушает любые другие звуки, салон вибрирует от энергии, которая вот-вот подорвет меня к чертовой матери. Я так долго ждал этого момента, что практически слетаю с катушек от эйфории. Мои глаза встречаются с прищуренным взглядом брата в зеркале заднего вида.

Ну давай же, проваливай! – кричит разум, пока рот оста-

ется сжатым в тонкую линию. Я не хочу с ним драться и упустить редкую возможность, которая, я почти уверен, больше никогда не выпадет. Слэйд тем временем склоняет голову набок, словно прочитав все, что у меня на уме и шагает вперед.

Не могу допустить, чтобы он подошел ближе и открыл багажник, в котором спрятано то единственное, что удерживает меня от падения в бездну, и я ни за что не позволю ему заглянуть внутрь и отнять это. Поэтому как только он делает еще один решительный шаг, переключаю передачу, выжимаю газ и срываюсь с места.

Глава 1

Корвин

Три недели назад

– Кто-нибудь, напомните, почему мы этим занимаемся?! – в моем вопросе столько же сарказма, сколько дурацкого грима на лице Ривена. Стоя перед зеркалом в полный рост я вожусь с застежкой, расположенной на внутренней стороне наплечника чудовищно неудобного костюма.

– Потому что это важный день для каждого жителя Айрон Риджа, который чтит свои корни, – Слэйд входит в комнату и как подобает старшему брату, осматривает нас с особой тщательностью. – С каких пор в реконструкции битвы участвует придворный шут? – Слэйд выгибает бровь, глядя на Ривена в недоумении.

Я смотрю на нашего среднего брата, в десятый раз за последний час задаваясь тем же вопросом.

– Ты сказал найти костюм, я нашел, какие проблемы? – Рив натягивает на голову шутовской колпак, встряхивая крошечными колокольчиками, те издают звон, и придурок широко улыбается.

Битва за Айрон Ридж – величайшее историческое событие, положившее начало строительству нашего небольшого города. А ежегодное празднование вошло в традицию более ста пятидесяти лет назад. С тех пор в годовщину крово-

пролитного сражения жители собираются, чтобы почтить память основателей и павших в бою. Реконструкция событий, ярмарочные гуляния и переодевание в костюмы той эпохи даже прописаны в уставе.

И Ривен прекрасно знает, что его одеяние никак не вяжется с тем, как должен выглядеть мужчина времен Гражданской войны. Это его бунт и жирное «пошел ты» мэру города, который давно напрашивается на хороший пинок под зад. Поэтому Рив нарисовал сверху и снизу от глаз вытянутые красные треугольники и обвел рот кошмарной улыбкой того же цвета в стиле Джокера. Он дополнил глумливый образ красно-черным нарядом шута, перешитым на небрежно-современный лад. Такие точно не продаются нигде в Айрон Ридже, да и за его пределами наверняка тоже. Вот почему я уверен, что Ривен намеренно заморочился, сделав костюм на заказ, и Слэйд тоже это знает, просто не признает вслух.

– Прекрасно, – вздыхает Слэйд, глядя на меня. – По крайней мере хоть один из вас достаточно серьезен, чтобы не предпринимать попыток развалить к чертям все, что мы с таким трудом строим.

С этими словами он уходит переодеваться, а я смотрю на себя в зеркало. Слэйд прав, мы потратили уйму времени, чтобы добиться того положения, которое занимаем. И даже если наш мэр Джеффри Кинкейд считает себя местным королем, достаточно скоро мой старший брат его свергнет. А пока мы все должны сыграть свои роли достаточно хорошо,

чтобы общество верило в легенду о трех добропорядочных братьях, владеющих малым бизнесом и не ищущих проблем с законом.

– Ты готов, сэр Бёрк? – ухмыляется Ривен, вставая рядом со мной и звонко постукивая костяшками пальцев по части доспех, закрепленных на моей груди. Я дополнил привычный китель конфедерата небольшой модификацией в виде серебряных рыцарских лат в местах, прикрывающих плечи и грудь. Получилось довольно неплохо, учитывая, что все эти истории с маскарадом – вовсе не мой конек. Я умею притворяться тем, кем не являюсь, если того требуют обстоятельства, но чаще всего предпочитаю оставаться собой. Это самое честное, что я могу сделать, будучи преступником в городе, полном набожных христиан. – Рыцарь и шут, разве мы не отличная команда, братишка? – восклицает Рив, не переставая улыбаться.

Он старше меня всего на год, и в свои двадцать три отточил умение, которым я, увы, не обладаю. Стоит Ривену блеснуть этой белозубой радушной улыбкой, люди тут же съедают любую чушь, преподносимую им как высокопробный золотой слиток. Это его оружие и, возможно, проклятие, быть первоклассным лжецом гораздо труднее, чем может показаться.

– Не надейся на глупостей! – предупреждаю я. Ривен любит играть с огнем в прямом и переносном смысле, а поскольку именно он отвечает за сегодняшний фейерверк, стоит ожи-

дать чего угодно.

– Я само приличие, – складывая руки в ангельском жесте он снова трясет колокольчиками на колпаке. – Прекрати цитировать Слэйда, одной занозы в моей заднице достаточно, чтобы сидеть было больно.

– Ему не понравится, если ты снова трахнешь жену кого-нибудь из наших партнеров. Будь осторожнее в своем выборе.

– Это не я избиваю людей ради забавы, после чего скармливаю их тела свиньям, – парирует он, отступая к двери. – Кстати я отмыл твой багажник, не благодари, братишка.

С ублюдочным смешком он покидает комнату.

Несколько лет назад, когда в банде впервые произошло убийство, мы собрали совет и решили, что «Клану дороги» нужен кто-то, кто не боится испачкать руки. Я никогда не отличался слабым желудком или тремором при виде свежей крови, а еще у меня есть знакомый, работающий на ферме по выращиванию свиней в соседнем городе. За не очень большие деньги он закрывает глаза на все, что я делаю на его территории после закрытия. С тех пор ликвидация последствий нечестных сделок лежит на мне, так что воскресное утро в местной церкви часто приходится пропускать. Только не говорите Иисусу!

Чем бы мы ни занимались в тени вполне легального бизнеса и прикрываясь мотоклубом, каждый из нас должен быть осторожен в своих действиях. Кинкейд может сколько угод-

но устраивать роскошные гуляния и сверкать лицом на предвыборных плакатах, правда все равно одна – только братья Бёрк заслуживают права управлять этим городом.

Четыре часа спустя, когда реконструкция битвы заканчивается, а фестиваль в честь дня основания Айрон Риджа превращается в массовый праздник, мы разделяемся, чтобы провести разведку. Приходится мило улыбаться жителям, вести непринужденные беседы, и я уже сбился со счета историям от людей, на которых мне глубоко плевать. Но Слэйду нужны любые уловки, чтобы вышвырнуть Кинкейда с поста, а я только рад помочь, потому что у меня есть свои причины, чтобы ненавидеть этого грязного сукиного сына.

Крики и шум толпы звучат невыносимо громко, над ярмаркой вьется дым от фургончиков с едой, он смешивается с музыкальными нотами аттракционов и цветных каруселей, ненадолго возвращая в памяти времена, когда я еще был счастлив. Наши родители были живы, а жизнь не казалась настолько трудной. И она была здесь в этом городе, звонко смеялась, превращая мои внутренности в хлопья взрывающегося попкорна. Я так и не смог забыть тот смех, даже сейчас кажется, что я слышу его повсюду, куда бы ни шел.

Лицо мэра Кинкейда, спускающегося со сцены, озарено радостью, он явно чем-то доволен, а это плохая новость для Бёрков. Я жду, прислонившись к перилам ограждения за фотобудкой, где простоял последние двадцать минут. Мне ста-

ло скучно еще в самом начале выступления лживого подонка, поэтому я отключился от всего, просто пребывая в прострации, лениво наблюдая за тем, как карусель над моей головой раскручивается все быстрее.

От серых туч, нависших над городом, небо почти почернело, где-то вдалеке как всегда грохочут раскаты грома, но молний не видно, и ни одна дождевая капля не упала на землю с тех пор, как началось лето. В Айрон Ридже настоящая гроза – такая же редкость, как молчание в переполненной комнате.

Звук звонкого женского смеха повторяется, искушая мои слуховые рецепторы. Он немного отличается от того, что запечатлелся в голове, сейчас его тембр кажется глубже и взрослее, но я узнаю эти ноты. Не успеваю оглянуться, как маленькая фигурка пронесется мимо будки, буквально в ярде от меня и останавливается перед мэром. Он тянется к ней своими загребущими руками и по-отцовски прижимает к груди, целуя в макушку.

Какого хрена?

С таким же успехом в меня могла бы ударить молния. Застываю, пораженный, не найдя в себе сил осмыслить то, что вижу. Весь воздух разом покидает легкие, теперь я не слышу ни музыки, ни криков толпы, а в нос впивается мимолетный аромат дикой вишни, вплетенный в пряди *ее* волос.

За все эти годы я отчаялся и принял тот факт, что больше ее не увижу...

Темно-каштановые локоны длиною до плеч покачиваются из стороны в сторону, пока *она* жестикулирует, размахивая небольшим блокнотом и восторженно рассказывая о чем-то, чего я не могу расслышать, стоя так далеко. Всегда не достаточно близко, чтобы коснуться ее руки или осмелиться заговорить. Но даже если бы я мог, ноги все равно приросли к месту, не давая приблизиться.

Последние сомнения, что это просто плод моей бурной фантазии улетучиваются. Смахивая густую челку с глаз, *она* оглядывается, темно-карие глаза смотрят мимо меня, и прекраснейшая из улыбок расцветает на *ее* полных губах. *Авелин* приветливо машет рукой парню, рассекающему толпу в сопровождении своего отца, я узнаю в них гребаного Стэнли ван Аллена и его сына Брэда. Руки непроизвольно сжимаются в кулаки, не осознаю, как тело инстинктивно наклоняется вперед, все еще оставаясь за пределами доверенного круга.

Я настолько потрясен, что сквозь грохот в ушах едва различаю происходящее, когда она практически повисает на его шее, и после громких приветствий двое взрослых заговорщически отступают назад, давая детям поговорить наедине. То, как чертов блондин смотрит на нее, заставляет меня напрячься всем телом. *Авелин*, кажется, не замечает ничего, слишком радостная от встречи, нежные щеки розовеют, когда она поднимает глаза, смущенно улыбаясь младшему ван Аллену. А я вынужден удерживаться от того, чтобы проделать дыру в его тупой голове, потому что вокруг слишком

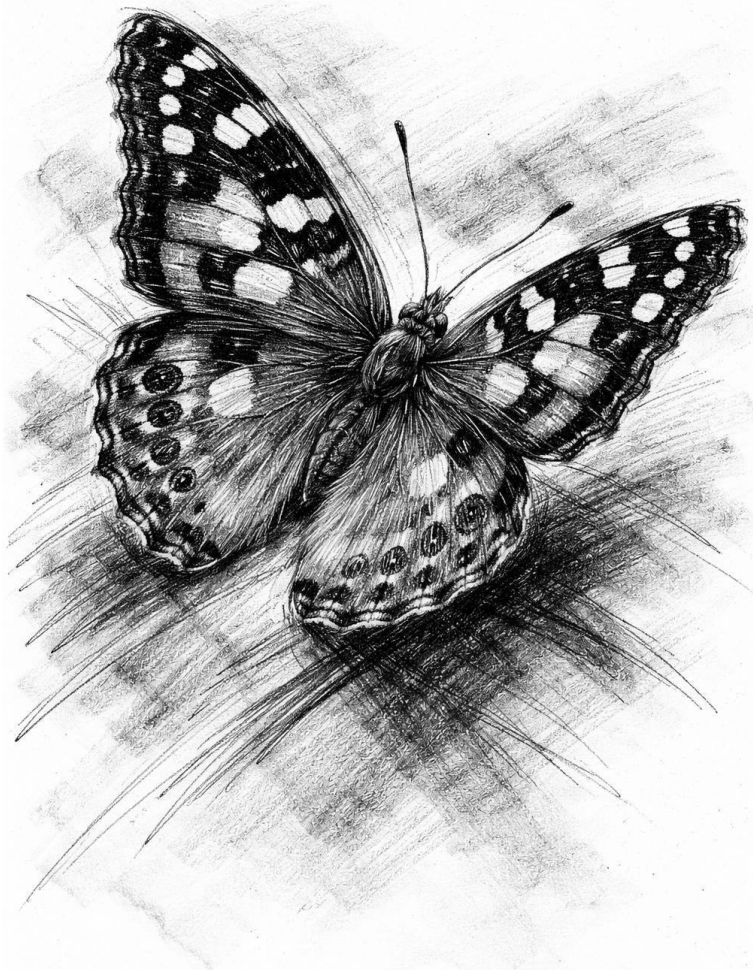
много свидетелей.

Нет! Все будет не так!

Жизнь поимела меня уже столько раз, что я сбился со счета, и вот, когда всего на секунду показалось, что все налаживается, она снова сбивает с ног, не позволяя передохнуть. Я так чертовски устал от несправедливости, что теперь, стоя здесь на расстоянии нескольких решительных шагов, собираюсь поменять правила.

Авелин заливается смехом в ответ на что-то, сказанное ее новым спутником, я резко разворачиваюсь и покидаю праздник, чтобы не сорваться к чертям. Мне срочно нужен план.

Глава 2

Авелин

Карусель приходит в движение, и пластиковые стулья, закрепленные на цепях, взмывают вверх как стая разноцветных бабочек, перепуганных чьим-то неосторожным вторжением. С вершины холма, на котором проходит празднование, виден весь Айрон Ридж и его окрестности. Я скучала по запаху соснового леса и тишине, витающей над городом, здесь она совсем не такая, как в далекой Швейцарии. Если проснуться достаточно рано и выйти на балкон в западной части нашего дома, можно услышать, как холмы перешептываются. И это не просто городская легенда, а самая настоящая правда, они говорят, но увы не каждый умеет слушать.

Айрон Ридж был построен спустя пять лет после окончания Гражданской войны, когда часть выживших солдат вернулась, чтобы расчистить местность. Позже группа лесорубов обнаружила первый пласт залежей руды, совсем небольшой, но необычный по своей структуре, свидетельствующий о том, что в горах есть и другие ценные металлы. Геолог Томас Меррит, приехавший из соседнего штата, решил, что это метка большего золотого месторождения и вокруг рабочего лагеря быстро вырос поселок. Золота в этих местах так и не нашли, хотя долго пытались. Что поделать, раз уж люди слишком уперты по своей натуре, а природа не терпит вме-

шательства алчных упрямцев.

Однажды команда рудокопов не вернулась после долгого дня в тоннеле, к тому времени Айрон Ридж уже разросся до тысячи жителей. Желаящих отправиться на спасение пропавших собралось не мало. Поиски велись почти в темноте, люди шли, сопровождаемые лишь светом газовых горелок и тихой поступью собратьев, тени внутри тоннеля пугающе замыкали шествие добровольцев. Все они тоже пропали там в глубине рудника. С тех пор никто и близко не подходит к зловещей шахте, а старейшины приказали установить на входе в тоннель запрещающее ограждение.

Когда я была помладше, местные охотники часто рассказывали, что горный хребет издает звуки, негромкие, словно кто-то глубоко под землей перекачивает тяжелые камни. Скептики списывали это на ветер, гуляющий между холмами. Их противники же создали традицию, когда каждый пятый вторник августа жители вооружались факелами и шли в полной тишине, слушая холмы.

«Если услышишь – молчи и не останавливайся», – их общее заверение позже превратилось в девиз города, выгравированный на въездном указателе: «Построен на камне, связан тишиной».

Но на самом деле Айрон Ридж никогда не умолкал. Я ощущала зов города даже будучи далеко от дома. Первые годы казалось, что это от тоски по друзьям и родителям, тогда мама уговорила отца, увеличить число визитов. Компро-

мисс заключался в том, чтобы на каникулы отправляться в небольшие путешествия, иногда к нам присоединялись ван Аллены. Я была счастлива проводить время с семьей и лучшей подругой, но даже это не умаляло желания вернуться. Я скучала по самому Айрон Риджу так неумолимо, будто в нем всегда оставалась частичка меня, о которой даже не подзревала.

Вращение конструкции замедляется, и я получаю прекрасную возможность рассмотреть все вокруг без головокружения. Похожий на раскаты грома, рев двигателей мотоциклов разносится по окрестностям. Вглядываюсь в темноту далеко за огнями ярмарки, наблюдая, как несколько фар рассеивают мрак, друг за другом двигаясь в сторону веселья.

Несколькими днями ранее, когда мы миновали дорожный указатель с названием города, отец бросил серьезный взгляд в зеркало заднего вида. Это был первый раз, когда он по-настоящему взглянул на меня за последние годы. Изголодавшееся по отцовскому вниманию сердце встрепенулось, и я приготовилась слушать. Папа крайне твердо и недвусмысленно попросил не влипать в истории и держаться подальше от парней на мотоциклах. Я бы решила, что это обычное родительское наставление для взрослой дочери, которую он слишком уж бережет, если бы не его мрачный отстраненный тон.

Это пробудило спящее любопытство и желание проверить, не поможет ли общение с запретной компанией привлечь внимание отца. Итак, в городе, спустя десятилетие,

снова образовался мотоклуб. Или отряхнулся от пыли старый, о нем в былые времена ходило много слухов, и не все из них были плохими. В любом случае, мне предстоит навестать многое, похоже, за годы моего отсутствия в Айрон Ридже слишком много поменялось.

Реконструкция битвы за Айрон Ридж – грандиозное событие, заставляющее горожан как следует попотеть. У подножия холма, служащего местом проведения ярмарки, собирается огромная толпа. Помощники шерифа во главе с самой Мариэнн Холт обходят свои владения, следя за порядком. Почти все одеты в костюмы той эпохи, несколько бунтарей решили выделиться, нарядившись как хиппи или различные персонажи поп-культуры, один даже натянул костюм шута, но, надо признать, выглядит он горячо.

Звучит гонг, и большая масса людей распределяется по местам, согласно отведенным заранее отрепетированным ролям. Поскольку подготовка к празднику обычно начинается за полгода, а внезапный перенос летних курсов в Швейцарии сделал мое возвращение возможным лишь месяц назад, я вынуждена наблюдать со стороны. На мне нет костюма, но темно-зеленое платье длиной до щиколоток полностью соответствует стилистике времен Гражданской войны. С прической заморачиваться не пришлось, поскольку мои короткие каштановые волосы от природы укладываются тугими крупными волнами. Вооружившись своим скетч-блокнотом,

я перемещаюсь от одной сцены к другой, делая наброски, намереваясь позже перенести их на один большой холст.

За эти несколько часов я делаю около полусотни эскизов, после чего обхожу каждый аттракцион в парке развлечений и пробую местную еду, от одного только вида которой текут слюнки. Мама отлучилась в комнату организаторов, чтобы проконтролировать салют и дать инструкции волонтерам, поэтому я в основном брожу одна. Пока не натыкаюсь на самого почетного жителя Гарольда Брекстона, которого все зовут Хэл. Старику восемьдесят три, но он без запинки может назвать имя любого айронриджца, обожает болтать и, могу дать руку на отсечение, что половина городских легенд придумана именно им. Хэл удивленно смотрит на меня некоторое время, после чего подзывает подойти, как будто собирается поведать секрет.

– У меня нет сил перекрикивать эту музыку, наклонись ближе, – командует он. Я делаю, как велено, краем глаза замечая, как папа поднимается на трибуну, чтобы произнести благодарственную речь. – Готов поспорить, что еще вчера видел тебя вот такой, – Хэл отмеряет от скамейки, на которой сидит, еще около фута, ровняя ребро ладони с моим животом.

– Это было лет десять назад, мне уже двадцать, Хэл, – смеюсь, протягиваю ему блокнот, зная, что он обязательно захочет взглянуть. Когда я была ростом точно как Хэл описал, приносила ему свои детские каракули, а он сочинял историю

на каждую. Мои рисунки оживали под чарами его неукротимой фантазии.

– Точно. Как время летит. И рисуешь уже куда лучше, – задумчиво произносит он, перелистывая страницы блокнота. – Уверена, что твое имя Авелин Кинкейд?

– С утра было.

Выпуская смешок, усаживаюсь на скамейку рядом, пока Хэл рассматривает линии, наспех сделанные обычным углем. Кончики моих пальцев почернели, и не было времени вытереть руки, поэтому я подкладываю их под бедра, молча наблюдая за проходящими мимо людьми.

Раскат грома проносится по окрестностям, грозы не предвещали, но что-то в воздухе совершенно точно меняется, мгновенно наэлектризовываясь. Складывается впечатление, что молекулы вокруг меня потрескивают, отталкиваясь друг от друга. Неосознанно поднимаю взгляд, замирая.

Двигаясь словно в замедленной съемке, мимо проходит человек в необычном костюме, он останавливается спиной к нам, лениво осматривая толпу. Я не вижу его лица с этого ракурса, но не могу перестать разглядывать образ, сделанный из необычного сочетания офицерского кителя и рыцарских лат. Широкие плечи и узкий торс в сочетании с простыми черными джинсами и грубыми потертыми ботинками так и просится на бумагу. А еще мне нравится его прическа, волосы выбриты почти под ноль и выкрашены в неестественный серебристо-белый. При искусственном свете праздничных

ламп они отливают стальным блеском. Из под ворота кителя проглядывают татуировки, покрывающие крепкую мужскую шею.

– Ты не возражаешь? – поворачиваюсь к Хэлу, чтобы успеть забрать блокнот и нарисовать высокого незнакомца, но когда снова возвращаю взгляд в толпу, его уже нет. Я даже встаю, осматриваясь вокруг, но нигде не вижу замысловатого кителя и мужественной фигуры. Закон подлости. Тяжело вздохнув, возвращаю блокнот Хэлу. – Черт! Парень, которого я хотела нарисовать, куда-то исчез.

– Наверно еще один призрак погибшего солдата, – без тени сомнения отвечает Хэл.

– Призрак? – качаю головой. – Нет, не думаю. Отсюда он выглядел очень даже живым.

– Звуки ушедшей войны и чужого веселья пробуждают старые души. Иногда они выходят из своих могил, бродят по городу, – блуждая в собственных мыслях, произносит Хэл.

– Ну надо же, – я снова смеюсь. – И ты сам их видел?

Хэл отрывает потускневший со временем взгляд от блокнота и вперивает его в меня с такой силой, что по спине пробегают мурашки.

– Столько раз, что и не сосчитать. Поверь старику, малышка Кинкейд, призраки в этом городе – вовсе не выдумка. А раз уж им скучно на том свете, я тоже туда не спешу.

– Ты проживешь еще долго, – подбадривающе говорю, хлопывая его по предплечью. – Без тебя этот город был бы

уже не тот.

Он пристально смотрит на меня еще какое-то время, после чего тепло улыбается.

– И без тебя тоже, я рад, что ты вернулась домой! – Хэл возвращается к моему блокноту.

– Как думаешь, что тот призрак искал на празднике? – решая подыграть спрашиваю я, наблюдая, как папа машет жителям с трибуны ища меня взглядом. Я тоже поднимаю руку и машу в ответ, показывая, что скоро подойду.

– Известно чего, – зрачки Хэла на фоне невзрачных серых глаз слегка расширяются. – Ту часть, без которой душа не успокоится. Некоторые хотят завершить начатое при жизни, другие жаждут прощения или мести, черт их разберет этих мертвецов.

Не позволяя себе насмешку над его серьезностью, я просто киваю, делая самое понимающее в мире лицо.

– Ну... Надеюсь, что призрак, рыскающий в толпе, тоже найдет то, что ищет.

Речь отца заканчивается, а вместе с ней и официальная часть мероприятия, папа спускается со сцены. Попрошавшись с Хэлом, бегу к нему, собираясь попросить разрешения отправиться на встречу со старыми друзьями. Я нигде не видела Мэдисон, хоть она и пообещала прийти на праздник, поэтому когда папа указывает в сторону ее отца и брата, идущих в нашу сторону, все внутри меня замирает от предвкушения.

Думаю, последние несколько месяцев я немного влюблена в брата-близнеца моей лучшей подруги. Мне никогда не приходилось смотреть на него как-то иначе, чем на друга семьи, пока этой зимой он первым не проявил интерес. Брэд раньше сестры пригласил меня на их двадцатитрехлетие, на которое я так и не смогла поехать, потому что моя астма обострилась. Но в качестве извинения я отправила ему особый подарок, после чего получила огромное сообщение с благодарностями.

«Я слишком сильно по тебе скучаю. Брэд.», – подписался он, и мой желудок перевернулся. С тех пор я немного не в себе, когда встречаю его лично.

Они с Мэдисон двойняшки, но волосы Брэда чуть темнее, почти русые, в то время, как Мэдди достался пшеничный теплый блонд. А еще у них разные глаза: у Мэдди серо-зеленые, а у Брэда голубые. Этот парень высок и силен, чего только стоил тот раз, когда он выбил шесть тысяч очков в соревновании с молотом на пляже в Испании прошлым летом. Тогда я еще не смотрела на него так, как смотрю сейчас после долгих и крепких объятий. А теперь он стоит прямо здесь и улыбается, облаченный в китель какого-то лейтенанта конфедерации, и я чувствую, как мое лицо заливается краской.

– Ты не видел Мэдди? – спрашиваю, когда наши отцы отходят в сторону, перешептываясь. В последнее время они оба ведут себя все более и более странно.

– Наверно кошмарит кого-то из своего списка врагов. – Брэд вынимает телефон, чтобы написать сестре, а затем потирает заднюю поверхность шеи, как будто тоже волнуется. – Может мы поедим мороженого, пока ждем?

В попытке избежать его взгляда, я снова теряюсь, глядя в ту сторону, где несколько пар устроили импровизированный танцпол в свободном пространстве между аттракционами. Выглядит очень даже заманчиво.

– Мороженого с меня на сегодня достаточно, но я не против потанцевать.

Брэд без лишних слов ведет меня к другим парам, и как будто нарочно, музыка сменяется на медленную и чувственную. Паника немного накачивается, моя ладонь потеет в его большой руке, я не могу вытащить ее так, чтобы Брэд не заметил мокрых следов, поэтому прибавляю шаг в надежде, что ускоренная ходьба переключит его внимание.

– Воу! Ты быстрая, – посмеиваясь, Брэд разворачивает меня лицом к себе, обхватив за талию, конечно же, сразу оступаюсь. Деревянная палка по сравнению со мной и то более гибкая, но надо было думать раньше, до того, как секунду назад я осознала, что вообще не умею двигаться в такт. – Расслабься, Эви, это просто танец.

В его глазах столько тепла и нежности, что я вот-вот потеряю сознание от головокружительных эмоций. Мы медленно раскачиваемся под музыку, глядя друг на друга, и губы Брэда растягиваются в улыбке. Я тоже улыбаюсь, наконец рас-

слабляясь, и чем дольше мы вот так танцуем, тем больше мне нравится смотреть на его улыбающееся лицо. Он слишком красив, обходителен и добр, будет здорово, если мы проведем немного времени только вдвоем, без Мэдди, может быть он увидит меня настоящую.

Словно прочитав мои мысли, Брэд говорит.

– Ты сегодня выглядишь просто потрясающе. – И снова чувствую, что парю в невесомости от его слов. – То есть ты всегда красивая, но сегодня особенно.

Он замолкает, слегка качая головой, как будто в итоге сказал вовсе не то, что собирался.

– Спасибо, – улыбка на моем лице должно быть слишком широкая. Странное чувство, ведь я знаю Брэда как минимум половину жизни, так с чего все это кажется таким неловким. – Ты тоже хорошо выглядишь, тебе идет китель.

– Как думаешь, они уже спланировали нашу свадьбу? – внезапный вопрос заставляет меня подавиться ответом. Мой спутник по танцам переводит взгляд на папу и мистера ван Аллена, к которым теперь присоединилась моя мама.

– Боже, – я закатываю глаза, представляя, как глупо трое взрослых ведут себя, не стесняясь пялиться на нас и показывать большие пальцы. – Какой позор.

– Я позабочусь об этом, – Брэд машет им рукой, чтобы уходили, после чего делает небольшую заминку, прежде чем улыбка исчезает с его красивого лица. – Но знаешь, по-моему в этом нет ничего глупого. Из нас действительно могло

бы что-то получиться.

Наши родители уже не в первый раз ведут себя настолько бестактно, но тревожит вовсе не это. А то, с какой серьезностью Брэд уставился на меня, ожидая ответа. Мурашки бегут по рукам, и он тоже их замечает, снова начиная улыбаться. Мне нравится Брэд, действительно нравится, даже очень, просто я никогда не предполагала, что нравлюсь ему в ответ, и все подобные заявления ошеломляют. Настолько, что я не могу совладать с мыслями и оторопело молчу, уставившись на него вместо слов.

– Знаешь, не бери в голову, – тон парня смягчается, но в нем сквозит нотка разочарования и грусти. Мне хочется треснуть себя по лицу на глазах у прохожих и наших семей. А еще как-нибудь разрядить обстановку.

– Думаю, ты все неправильно понял, – спешу объяснить, убирая руку с мускулистого плеча и перемещая ему на грудь. К извиняющейся улыбке добавляется мой робкий взгляд, к щекам снова приливает жар. – Я думаю, что ты прав.

Признание слетает с губ, и где-то в животе помимо волнения поселяется ощущение, что что-то не так, но оно проходит, как только лицо Брэда озаряется счастливой улыбкой. Он прикасается к моей щеке в очень нежной и ласковой манере. Музыка снова сменяется, вместо трогательных фортепианных нот звучит зловещий клоунский смех проигрыша, повторяющегося в парке аттракционов каждый час. Но меня это не волнует, потому что голова Брэда уже опускается так,

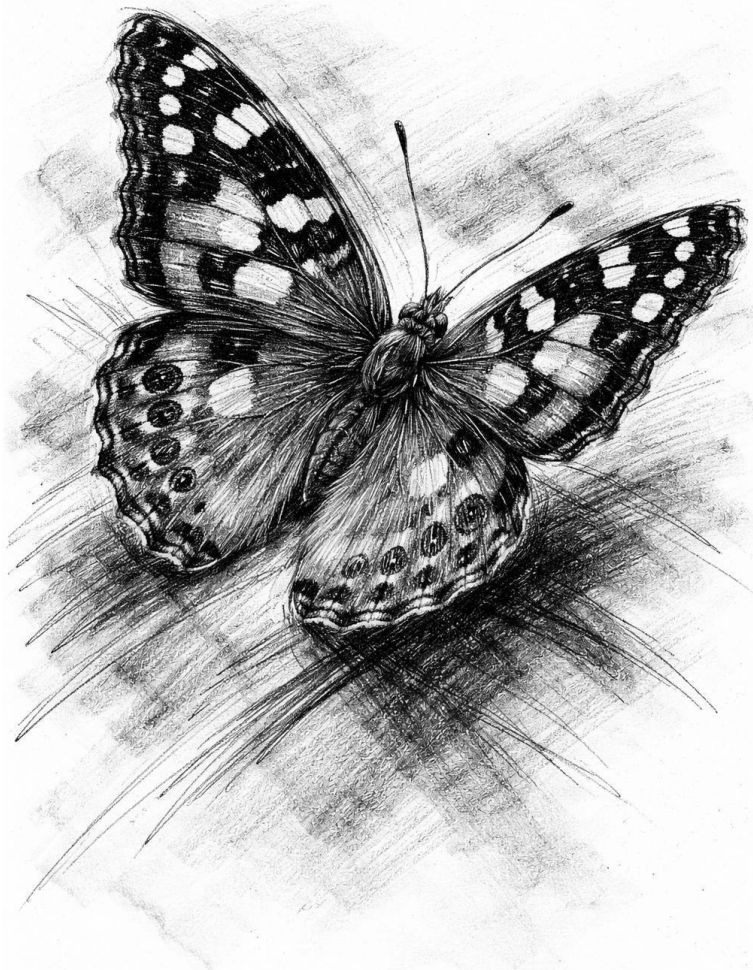
словно он собирается поцеловать меня прямо здесь посреди оживленного праздника. Его губы зависают в дюйме от моих, всего секунда до касания, я закрываю глаза, задерживая дыхание...

– Господи Иисусе, осторожней! Извините, простите! – громогласный выкрик сопровождается грохотом тележки с едой, горсти попкорна и разноцветных конфет ударяют в нас дробью. – Но вообще разуйте глаза, разве не видно, что я иду! – добавляет Мэдди, отряхиваясь и почти врезаясь в брата. Пару секунд она оценивающе смотрит на нас с Брэдом, другие пары уже разошлись, и теперь поза, в которой мы застыли, выглядит странно интимной. – Иди сюда! – Мэдди отталкивает Брэда в сторону, после чего заключает мое тело в самые крепкие в мире объятия и тяжело вздыхает. От нее почему-то пахнет дымом и мужским одеколоном.

– Где тебя носило? – в моем голосе укор, а лицо Брэда напротив искажено нечитаемой эмоцией. Он явно злится на сестру за то, что та прервала наш несостоявшийся поцелуй. Я собираюсь спросить себя, жалею ли об упущенной возможности, но все слова и мысли заглушает салют, взрывающийся в воздухе над парком.

Десятки оглушительных залпов один за другим выстреливают в темное небо, озаряя его разноцветными огнями. Краем глаза я вижу, что Брэд смотрит на меня, набираюсь смелости и встречаю его взгляд. Мэдди, стоящая между нами восторженно кричит, наслаждаясь зрелищем. Этот момент

еще часто будет прокручиваться у меня в памяти, потому что очень скоро все изменится для нас троих и всего города. А еще в эту ночь в Айрон Ридже случится пожар, но эта история для другого раза.

Глава 3

Авелин

Ряд мотоциклов выстроился у входа в здание, все они выглядят ужасно дорого, сверкая хромом. В животе скручивается тревога, потому что чем ближе мы с Мэдисон подходим к бару, тем громче звучат крики изнутри. Внезапно дверь распахивается и на улицу вылетает пара подвыпивших парней, толкающих друг друга, пока один не падает навзничь. Они все еще возятся в неряшливом подобии драки, когда рука Мэдди вцепляется в мою и сильно дергает.

– Идиоты! – подруга, кажется, вовсе не замечает моего смятения. Она знает обо всех заверениях отца, но все равно выбрала именно это место для сегодняшнего вечера. – Не бойся, они просто бесцельно машут руками как пара неокрепших младенцев, на самом деле оба настолько же безобидны.

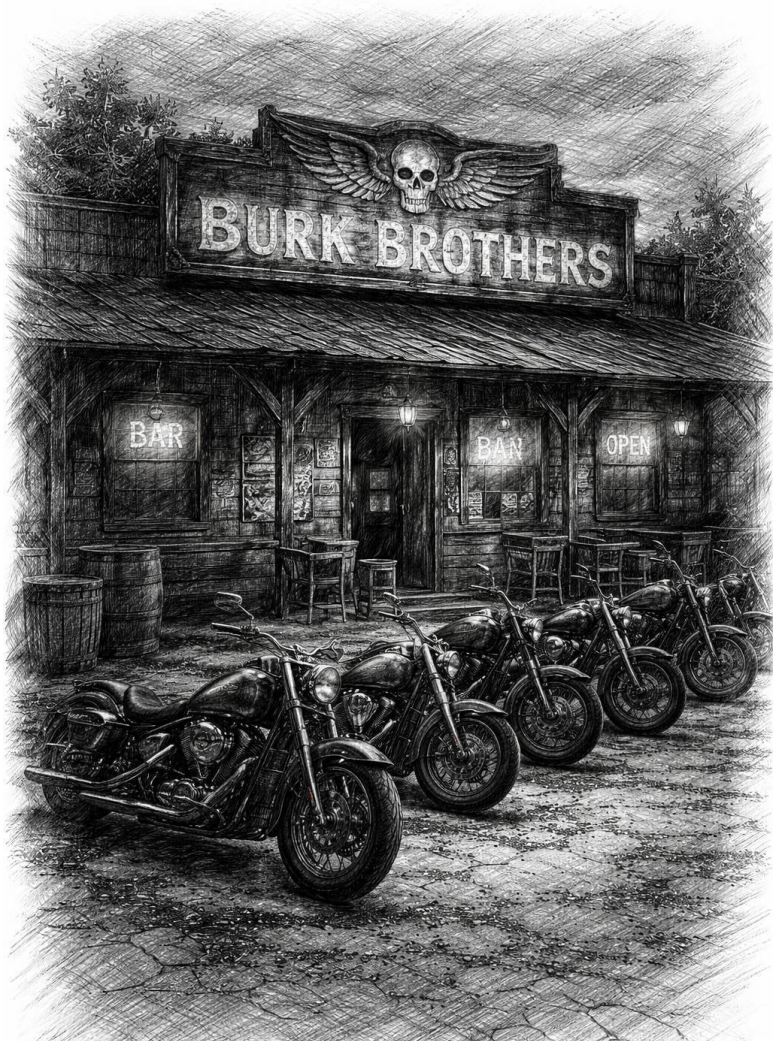
– Знаешь, мне что-то не хочется туда, может поедим пиццы у мистера Синклера? – через плечо указываю большим пальцем на здание через дорогу. Владелец выбирает именно это время, чтобы выйти на улицу полностью одетым. Перед тем как закрыть дверь, он переворачивает табличку на ней обратной стороной, и мои плечи со вздохом опускаются. Смотрю на часы на запястье. *Вот блин.*

Мэдди выгибает бровь.

– Видишь! Похоже, у тебя нет выбора. Это единственный нормальный бар в городе, – я даже не пытаюсь аргументировать тем, что по закону мне еще даже нельзя пить, ее это все равно не остановит. – Ты и твой отец слишком драматизируете. Внутри всего лишь кучка мальчиков-переростков на мотоциклах, а не какая-нибудь преступная группировка. Идем!

Она снова тянет меня за собой, на этот раз я не спорю, смиренно переступая порог заведения под названием «Братья Бёрк». Я лишь мельком знаю о семье владельцев, средний из братьев Ривен учился в одном классе с Мэдисон и нередко ее задирает. Двое других Бёрков остаются для меня загадкой, я была слишком юна, когда покидала Айрон Ридж, так что не припомню, чтобы встречала их раньше.

Мэдди дергает за ручку двери, буквально заталкивая меня внутрь бара. Длинная деревянная стойка освещена тремя светильниками в виде огромных ламп накаливания, в остальном тут довольно мрачно. Но это не мешает очереди, выстроившейся в дальнем углу, метать дротики в мишень, наполовину дырявую по центру. Вопреки всем стереотипам о байкерских барах, внутри на удивление свежо, вместо пива и мужского пота пахнет сосновым деревом и ароматными ребрышками. Желудок урчит, напоминая, что я ничего не ела с самого обеда, мы с Мэдди прогуляли по памятным местам нашего детства весь день, пока ноги не начали отваливаться.

Заведение заполнено наполовину, мы усаживаемся в свободной части у барной стойки, ожидая, пока кто-нибудь из работников обратит на нас внимание. Симпатичный брюнет ставит чужой заказ на другом конце стойки, после чего грациозно скользит в нашу сторону. Беглый взгляд его золотисто-карих глаз сначала не заинтересовано пробегается по мне, прежде чем скользнуть по белокурой катастрофе, сидящей рядом. Улыбка тут же сползает с его безупречного лица, черты которого кажутся мне смутно знакомыми.

– Так-так, неужели тебя вышвырнули из всех остальных заведений, что ты так отчаялась и пришла сюда, – нараспев произносит он низким голосом, проводя рукой по темным чуть отросшим волосам.

Ривен Бёрк. Не может быть!

Вредный мальчишка, которого я помню из детства был щуплым до невозможности и ниже нас ростом, а его вечно длинные спутанные волосы закрывали половину лица. Этот же парень весь состоит из крепких мускул, натягивающих короткие рукава его синей футболки. Твердый подбородок гладко выбрит, а стрижка теперь выглядит более аккуратной, при этом все равно оставаясь хулиганской. Не сиди мы здесь, я бы решила, что он только что встал с постели, в которой был не один.

Мэдисон молчит, делая вид, что колкость ее не задела.

– Удостоверение, – приказным тоном требует Ривен, упирая руки в барную стойку, а взглядом прожигая дыру в лице Мэдди.

– Мы ровесники, болван, или тебе отшибло память? – она свирепо смотрит на него, ведя битву взглядов.

– Я бы запомнил, будь мне не все равно. В любом случае я спрашивал не тебя, – Ривен переводит взгляд на меня. – Твое удостоверение.

– Ну я... эээ... Возможно ты меня помнишь, я Авелин... Кинкейд, – мои щеки заливаются краской. Хочется схватить Мэдди, вытащить нас отсюда и закричать: «Я ЖЕ ТЕБЕ ГОВОРИЛА», но реакция Ривена на удивление дружелюбная. Он окидывает меня приторно-вежливой улыбкой, низко кланяясь.

– Авелин Кинкейд, – произносит он. Фамилия довольно известная в городе, учитывая, кто мой отец, но может идея представиться не такая уж и отличная. Мне не очень нравится, как все вокруг притихли. – Ки-инке-ейд, – нараспев повторяет Ривен. Мы встречались несколько раз, когда он учился с Мэдди в средней школе, я была на два класса младше. Но почти уверена, что он меня помнит хотя бы потому что на всех официальных мероприятиях мы с мамой стояли на главной сцене достаточно близко к отцу. – Эй, народ! Странствующая дочь Джеффри Кинкейда вернулась в город! – Ривен повышает голос, почти переходя на крик достойный лучших конференсье, хотя это вовсе не обязательно, ведь в

воцарившейся тишине слышно, как где-то в реке неподалеку плещется рыба.

Мои глаза расширяются от ужаса, я отвыкла быть в центре пристального внимания жителей Айрон Риджа. И уж тем более не напрашивалась на особое представление в баре, полном грозных байкеров. На один короткий миг кажется, что сейчас меня освистают, закидав помидорами, но потом несколько человек выкрикивают короткие приветствия, прежде чем вернуться к своим занятиям.

– Ну ты и придурок, – ворчит Мэдисон, метая зрительные кинжалы в довольное улыбающееся лицо Ривена. – Нам два пива, – она кладет на стол двадцатку, поворачиваясь ко мне. – Ты как?

– Я в норме, он изменился только внешне, полагаю.

Ривен уже отвернулся, чтобы выполнить заказ, и я могла бы расслабиться, сидя на своем стуле, если бы не одно но... Ощущение, что кто-то продолжает наблюдать за мной не утихает. Наоборот оно даже усиливается, стоит мне обернуться, чтобы получше разглядеть посетителей. Клянусь, что прямо сейчас в мою сторону направлены волны такой интенсивности, что я крепче держусь за столешницу, чтобы не покачнуться. Но как ни стараюсь, не могу определить их источник.

– Ваше пиво, мисс Кинкейд и Мэднесс* (*прозвище, производное от имени Мэдисон дословно обозначающее «безумие»*), – сияя притворной любезностью, Ривен игнорирует

деньги, все еще лежащие перед ним на стойке. – За счет заведения.

– Ну надо же, какой щедрый, – Мэдди отхлебывает из своего бокала, слизывая пену с губ, а потом ухмыляется, скалясь. – Безалкогольное, как смешно.

Но она продолжает пить назло Ривену, пока тот принимает остальные заказы, то и дело поглядывая в нашу сторону. Я тоже делаю небольшой глоток терпкого напитка, в основном чтобы занять себя чем-то и отвлечься от ощущения глаз на затылке.

– Налей-ка мне еще того пойла, – рядом с нами плюхается здоровяк лет пятидесяти с густой, но опрятной бородой в жилетке с нашивкой мотоклуба. – Пока эти засранцы не выпотрошили мой кошелек подчистую, – он усмехается самому себе. – Стил*(прозвище байкера переводится как «Сталь») ни разу не промахнулся, хотя даже не смотрел на мишень, можешь поверить? Чертов меткий ублюдок.

– Дартс не твоя сильная сторона, Эрни, сколько раз ты должен вернуться домой ни с чем, прежде, чем до тебя наконец дойдет? – спрашивает Ривен, сгребая деньги, оставленные Эрни, доставая чистый стакан и бутылку золотистой жидкости. Мэдисон пытается незаметно подтолкнуть свою двадцатку ближе к нему, но тот продолжает делать вид, что упрямой блондинки не существует. – На сегодня это последний, – Ривен ставит стакан перед Эрни, и когда тот грустно вздыхает, добавляет. – Твоя жена прикончит меня, если ты

опять слишком напьешься.

– Что это за бар такой вообще, где никому нельзя выпить нормально? – ворчит Мэдди рядом со мной. Эрни хихикает в свой напиток, а Ривен перегибается через стойку, пока их с Мэдди носы не задевают друг друга.

– Хочешь получить настоящий напиток, попроси вежливо, – растягивая слова произносит он, хищно улыбаясь при виде краски на лице Мэдди. Он поддевает пальцами выбившуюся прядь ее светлых волос, делает несколько оборотов и тянет на себя, чтобы прошептать что-то ей на ухо.

Звон пощечины слышен даже сквозь хохот за нашими спинами, Эрни давится напитком, вскакивая на ноги и подходит ближе, чуть сдвигая меня в сторону чтобы вмешаться в случае чего. Хотя я почти уверена, что Ривен не тронет Мэдди, и он скорее всего заслужил нечто похуже пощечины. Ведь Мэдди хоть и вспыльчива характером, все же никогда не лезла в драку первой. Бёрк спровоцировал ее, за что и заплатился.

– Все в порядке, Эрни, у этого мудака никогда не было манер, так что я не удивлена, – Мэдди не спешит встать, чтобы покинуть заведение, атмосфера в котором теперь более напряженная. Она неторопливо допивает свое пиво, после каждого глотка морщась в отвращении, а потом вытирает рот тыльной стороной ладони и бросает всеми позабытую двадцатку на дно пустого стакана, где та утопает в толще оставшейся пены. – Спасибо за дерьмовое обслуживание. Идем,

Эви, поищем другое место.

Я не против уйти, ведь мы так ничего и не поели. Рот Ривена сжимается в твердую линию, но он ничего не отвечает, молча наблюдая за нашим уходом. Только оказавшись у двери я снова оглядываюсь в поисках человека, чье внимание до сих пор остается невесомым, но осязаемым на моей коже.

Корвин

Авелин выходит из бара, и прежний шум возвращается в заведение с ее уходом. Я выхожу из тени угла, в котором стоял большую часть вечера, когда не бросал дротики в мишень на стене. Все еще вижу, как ее глаза обшаривают помещение, словно она почувствовала меня на только нашем с нею недостижимом уровне. Пересекаю бар, и рука сама тянется к бокалу, который Рив еще не успел убрать. Авелин едва притронулась к напитку, но следы блеска для губ отчетливо видны на краю стекла. Подношу его ко рту, в точности повторяя очертания контура ее губ своими, и делаю глоток, закрывая глаза. Вкус вишневого блеска размывается горьким бесспиртовым пивом. Если бы мой брат налил ей что-нибудь алкогольное, я бы собственноручно размазал его по барной стойке.

– Какого хрена ты творишь? – возмущенно спрашивает Ривен, наблюдая за мной.

– Бесплатное пиво, – пожимаю плечом, притворяясь равнодушным. Но этот безумный жест – единственное, что может приблизить меня к Авелин прямо сейчас.

– Для нас все здесь бесплатное, – он разводит руки в стороны обводя бар взглядом. – Ты опять не выспался?

Я не отвечаю, следуя на свежий воздух, пока еще есть шанс, что она не ушла слишком далеко.

Как я и ожидал, Авелин в сопровождении подруги бредет по тихой улице в сторону городской площади. Держусь на почтительном расстоянии, но порывы ветра все равно доносят до меня ее слова.

– Не знаю, я была так сбита с толку, что просто растерялась, думаешь, он считает меня глупой? – ее тихий голос дрожит.

– Кто? Брэдли? – коверкая имя брата переспрашивает Мэдисон, после чего фыркает. – Я думаю, он по уши в тебя втрескался, потому что весь день не переставал выпытывать, куда мы идем вечером. Зуб даю, он достанет меня новыми расспросами как только вернусь домой. Каждое упоминание о тебе почти стало молитвой в нашем доме, он готов поклоняться тебе как божеству, Эви.

Что-ж, мы с ван Алленом по крайней мере адепты одной религии.

– Передавай ему привет, – то, с каким смущением Авелин говорит об этом придурке, заставляет каждую кость в моем теле протестовать. Натягиваю капюшон ниже на голову и сердито шагаю дальше, не в силах развернуться. – Я ценю, что ты не устраиваешь из этого драму, – добавляет Авелин, теснее прижимаясь к боку подруги.

– Шутишь? Ты мне почти как сестра, будет здорово, если вы с Брэдли поженитесь, тогда у нас с тобой будет одна фамилия.

Мимолетный смешок растворяется в воздухе, когда Авелин качает головой.

– Ну не знаю, по-моему ты слишком торопишь события, мы ведь даже ни разу не были на свидании...

– И что? Отец уже все рассчитал, помани мое слово, через полгода или год ты станешь будущей миссис ван Аллен!

Я рычу и стискиваю зубы так сильно, что они скрипят. Понимаю свою ошибку только когда Авелин вдруг останавливается, резко оглядываясь. Мне требуется доля секунды, чтобы нырнуть за живую изгородь.

– Ты слышала это? – ее голос звучит ближе, чем раньше, и тихие шаги сообщают о ее приближении. Любопытство Авелин Кинкейд порой пересиливает ее инстинкт самосохранения, она бесстрашна, и это одна из вещей, которые мне в ней нравятся.

– Да просто ветер играет с мусором, – отвечает Мэдисон. Забавно, именно так нас с братьями однажды назвал мэр Кинкейд – мусор.

– Хм, наверное, – Авелин удаляется, но бубнит себе под нос. – Или может быть призраки.

Интересно.

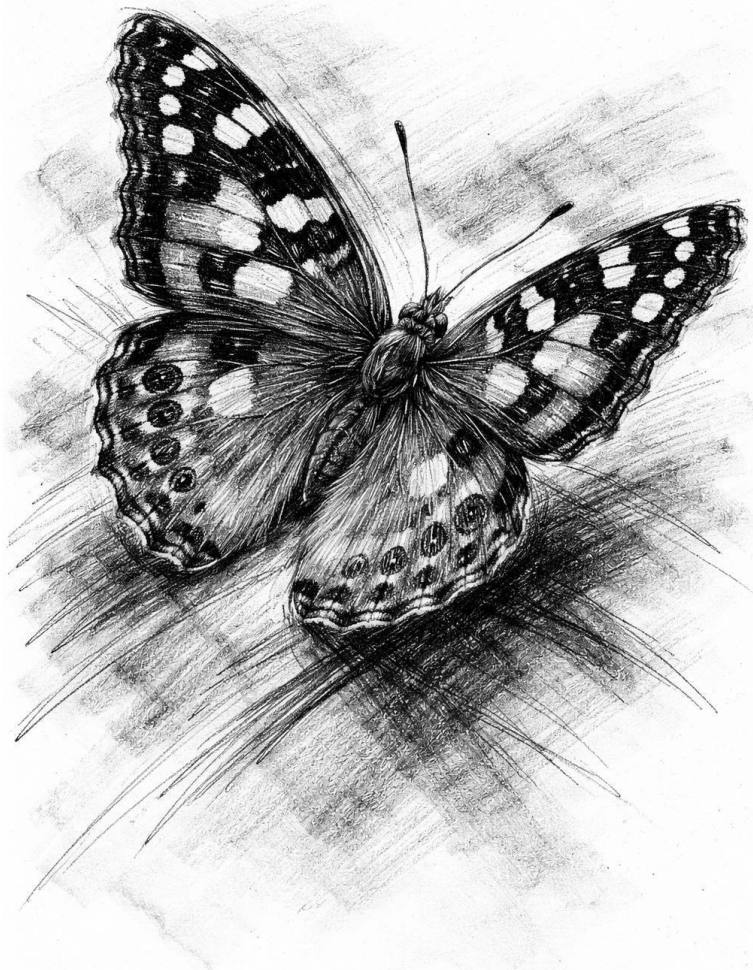
Я верю лишь в один вид призраков, они бесплотны и даже не имеют видимых очертаний. Проще говоря – это послед-

ствия принятых нами решений, преследующие и напоминающие о себе до конца жизни. Скелеты в наших шкафах, если угодно. Таких не прогонишь спиритическим сеансом, они живут в головах, терзают души, не дают спокойно заснуть...

– А что у тебя с этим Бёрком? – спрашивает Авелин. Услышав свою фамилию, я снова выхожу на тропу, продолжая преследование.

Далее Мэдисон начинает рассказывать свою запутанную историю взаимоотношений с моим братом, и я отключаюсь, поскольку эта тема меня совсем не волнует. Мой взгляд остается прикованным к Авелин все время, пока они гуляют по городу, заходят в кафе, чтобы перекусить и снова гуляют до самого позднего часа. Потом подруги расходятся в паре кварталов от домов друг от друга, и я тенью следую за Авелин, наслаждаясь тишиной и звуком ее тихих шагов.

Она подходит к дому, я жду под деревом через дорогу, пока она не войдет в калитку, отделяющую большой двухэтажный коттедж от остального мира. Дом мэра обнесен забором и увешан камерами, поэтому дальше я не иду. Не сегодня. Стою так, пока в ее комнате не зажигается свет, а потом ухожу, все еще чувствуя на губах вкус вишни.

Глава 4

Авелин

В комнате пахнет свечами с корицей и чем-то, слабо напоминающим больницу. Мой взгляд невольно цепляется за тюбик антисептического крема для рук, лежащий на прикроватной тумбочке. Мэдди наносит его примерно каждые два часа, не считая тех раз, когда моет руки, тогда частота нанесений увеличивается. Это не новая особенность, понятия не имею, что стало причиной ее ОКР, но началось все еще в средней школе.

– Поверить не могу, что ты все это сохранила!

В моих руках коробка с некоторыми старыми вещами из нашего общего детства. Мы с Мэдди познакомились в кружке рукоделия мисс Лоуренс, уже тогда я была слишком повернута на рисовании, а Мэддисон просто перебирала любые занятия, лишь бы не умереть от скуки.

– Я надеялась продать что-нибудь на Ебай, когда ты станешь великой художницей, – иронично говорит Мэдди, захлопывая дверь спальни ногой. Она ставит поднос с закусками на пол перед нами и усаживается рядом, опираясь на спинку кровати, после чего тычет пальцем в верхний левый угол ежегодника. – Помнишь зануду Стива? Говорят, во время реконструкции Карли Грэхем заехала задницей ему по носу, когда спускалась с лестницы. Теперь они пара.

Перебираю в памяти знакомые имена и смеюсь.

– Судьбоносный поворот, ничего не скажешь.

Продолжаю изучать сокровища из коробки, пока Мэдди с упоением уплетает кусок пиццы, стараясь держать его лишь одной рукой. На ее коленях теперь мой скетчбук, и она слишком уважительна, чтобы пачкать страницы соусом песто.

– Ты уже поговорила с отцом о Уэйуорд Поинте?

Многолетний узел в моем животе затягивается туже, причиняя уже такую привычную боль. Изначально мне пришлось покинуть родные края для лечения в связи с обострением астмы, но спустя время отец вдруг ни с того, ни с сего решил, что Швейцария лучшее место для дальнейшей учебы. Первые пару лет мама противилась, а я не могла отделаться от мысли, что от меня просто избавились. Теперь, думаю, все мы просто привыкли.

Университет, который я рассматривала для перевода, находится в нескольких часах езды от дома, и папа с мамой, конечно же, не готовы к этому разговору. Если бы не отмена летних курсов, я бы вообще не приехала, и шанс поговорить вряд ли представился бы. Я надеялась, что целое лето в тесном кругу семьи приведет отца в чувства, тем более, что его план по объединению с ван Алленами не кажется мне ужасным и архаичным.

– Мне нужно еще немного времени, пока слишком рано сбрасывать на него эту бомбу.

Знаю, Мэдди волнуется, что теперь после долгого отсут-

ствия я буду слишком не в своей тарелке, чтобы освоиться в городе и вообще войти в ритм, а возможный отказ папы причинит боль нам обоим. Мэдисон учится на втором курсе университета штата, чей кампус находится в часе езды от Айрон Риджа. Но там нет необходимого мне художественного факультета, поэтому я рассматриваю варианты чуть дальше от дома. Как только каникулы закончатся, мы с Мэдди опять разъедемся, вопрос лишь в том, как далеко я отправлюсь на этот раз.

– Я могла бы поехать в Швейцарию, – задумчиво говорит она. – Вдруг мне так понравится кампус, что я тоже решу перевестись.

– Не глупи! У нас целое лето, чтобы повлиять на отца.

Зная непостоянную натуру лучшей подруги, я просто опасаюсь, что она и впрямь решит ради меня оставить место, в котором уже успела обзавестись друзьями. Она легко заводит знакомства в новых компаниях, но обустройство быта и привыкание к новому месту сказались на ней не лучшим образом. У Мэдди есть свои особенности, с которыми не каждый готов мириться, а пока что ее нынешняя соседка кажется довольно милой и терпеливой в этом плане, так что я спешу перевести тему, уводя разговор в другое русло.

– Лучше расскажи, как обстоят дела с оркестром? Флейта тебе подчинилась?

Мэдди ковыряет несуществующую грязь под ногтями, беззаботно откидывая голову назад.

– Мне стало скучно, теперь я вернулась к истокам и записалась в группу поддержки. Если помнишь, в школе я была хороша в танцах.

– О, я помню только, как таскала домашку и чипсы в больницу после твоего неудачного тройного сальто.

Одной из вещей, которую Мэдди решила освоить в попытке найти себя, стали танцы в группе поддержки. Все шло хорошо, пока она не солгала, что готова к большему. Парень, который должен был поймать Мэдди, слишком увлекся разглядыванием ее трусиков под крошечной юбкой. Оба они поняли, что ошиблись в партнере, когда Мэддисон уже летела головой вниз в жалком подобии переворота. После выписки она переключилась на игру в какой-то жуткой гаражной группе, и так далее. Некоторым людям просто не суждено выбрать что-то одно, особенно тем, кто убежден, что жизнь слишком коротка, чтобы утопать в бесконечной серой рутине.

– Может я давняя фанатка Игги Попа* (*рок-вокалист группы The Stooges, считается пионером стейдж-дайвинга, начиная с конца 1960-х, когда он стал прыгать в аудиторию, вызывая смятение и восторг*), – улыбается Мэдди, слизывая с губы соус и переключаясь на другой кусок пиццы. Ее взгляд скользит к свежим наброскам, сделанным мною вчера. – Ого! Немного похоже на гиперфиксацию, тебе не кажется?

Бросив саркастичный комментарий, она с особым интере-

сом перелистывает страницу за страницей, а мои щеки с каждым новым открывшимся эскизом все гуще краснеют. Ну да, возможно я немного увлеклась, пытаюсь выловить из туманного пятна в своей памяти образ человека, растворившегося в толпе. Несколько дней подряд я пыталась вспомнить увиденное, рисуя отдельные детали и элементы одежды снова и снова. Все до единого наброски без лица, лишь несколько особо запомнившихся черт переданы достоверно. Остальное утеряно.

– Отдай это, – выдергиваю скетчбук из рук подруги, бросая его на двуспальную кровать за нашими спинами.

– Нет ничего плохого в том, чтобы в кого-то влюбиться, – поддразнивает Мэдди, толкая меня в плечо. – Брэд был бы расстроен, узнав, что именно сегодня ты ночуешь у нас.

О!

Она думает, что я рисовала Брэда. Не удивительно, ведь китель Призрака был похож на тот, что носил ее брат, за исключением стальных вставок и ремней, закрепляющих доспехи на широких плечах. Но почему-то, даже несмотря на всех этих бабочек в животе, мне никогда не хотелось рисовать Брэда, кроме единственного портрета, подаренного на его день рождения.

Сегодня утром он вместе с отцом отправился в рабочую поездку. Мистер ван Аллен настаивал, чтобы Мэдди тоже поехала с ними, но она отказалась, ей разрешили остаться только при условии, что я приду на ночевку. Видимо, отец

Мэдисон доверяет мне гораздо больше, чем собственной дочери, а при учете всех ее хулиганств я даже не могу его винить.

Целый вечер мы болтаем, перелистывая школьные альбомы и перебирая памятные вещи. От беспрерывного смеха и огромного количества пиццы живот начинает болеть. Позже мы обе лежим лицом друг к другу, рассказывая разные истории. Я вспоминаю, как обнаружила несколько полароидных снимков на дне коробки, и глаза непроизвольно начинает покалывать.

Там остался запечатлен день, когда я впервые почувствовала себя настолько беспомощной, что еще долго не могла успокоиться. Мне было тринадцать. Мэдди разгуливала по школьному двору с фотоаппаратом – своим новым увлечением – и смеялась, когда я ворчливо комкала неудавшиеся рисунки, бросая их на газон перед собой. Она щелкала камерой еще больше меня раздражая, а потом повалила на землю и начала щекотать, пока я не начала хватать воздух ртом и закашливаться.

Короткий приступ удушья, последовавший за волной смеха, не казался необычным после недавнего бронхита. Я не придавала этому большого значения, и, отдышавшись, вернулась к своему занятию. Потом мы разошлись по классам, и учитель попросил нас выступить с импровизированным рассказом по плану без подготовки. Я чересчур переволновалась, а потом все повторилось, но с большей силой.

До сих пор помню, как поднимала руку, чтобы отпроситься из класса, еле волоча ноги плелась по коридору и, сгорбившись над раковиной в школьном туалете, обливала лицо, снова и снова пытаюсь отдышаться. Паника, какой не чувствовала раньше, не давала мне позвать на помощь, зрение туманилось, я едва могла различить обратную дорогу. На лестнице второго этажа кто-то столкнулся со мной, а потом сильные руки потащили к открытому окну, пока незнакомый парень твердым голосом приказывал дышать.

Зажмуриваюсь прямо как тогда и делаю глубокий вдох, хотя сейчас мои легкие ничего не сдавливают. На следующий день после инцидента в моем рюкзаке появился первый ингалятор, а потом еще один случайным образом оказался в кармане куртки. Тогда я еще не прошла десятки обследований, а единственным человеком, кому я рассказала, была Мэдди. Даже не знаю, почему, я просто полагала, что приступ был следствием паники и не должен повториться. Лишь через месяц мы с мамой получили заключение врача, и терапия бронхиальной астмы стала постоянным спутником моей жизни. Но ингаляторы никогда не переставали появляться то тут, то там, пока я не уехала на лечение.

Меня резко осеняет.

Я уехала, но мы с Мэдди регулярно виделись, хоть никогда и не обсуждали эту тему. Она все эти годы знала, как обстоят дела и была в курсе всех моих осложнений и приступов. Значит ли это, что кто-то другой позаботился обо мне

в подростковом возрасте? Я собираюсь спросить, но Мэдди уже сладко сопит, подложив руки под голову, сон для нее крайне болезненная тема, так что не решаюсь ее будить.

Корвин

Легкое сопение – единственное, что я слышу, когда открываю дверь спальни. Хотел бы сказать, что мои действия не выходят за рамки общепринятых человеческих норм, но это не так. И никогда не было, в особенности если речь заходит об Авелин.

Игнорирую голос разума, тихо ступая по плюшевому ковру к той половине кровати, на которой моя темноволосая одержимость раскинулась в расслабленной позе. Она должна казаться невинной и непорочной, но глядя на очертания полуобнаженных ягодичек, выглядывающих из под одеяла, я уже не так уверен. Эти крошечные трусики почти ничего не скрывают, так что я аккуратно поддеваю край одеяла и натягиваю на ее тело, чтобы скрыть его от всего мира. Если бы здесь не было дочери ван Аллена, мое решение могло бы быть менее гуманным. Иногда я представляю, что бы сделал с Авелин, окажись мы наедине, только мой голод и она в его абсолютной власти.

Есть ли название у этой болезни, кроме как «умственное помешательство»? Хотя какая разница, все равно я не собираюсь лечиться.

Повсюду установлены десятки ночников, похоже, у Мэдди сон какой-то фетиш, во всяком случае я благодарен ей за то,

что комната достаточно освещена, чтобы я мог осмотреться. Лицо Авелин во сне кажется совсем юным, она больше не морщит лоб, размышляя о чем-то, неведомом окружающим. Так много раз я жалел, что не могу просто забраться в ее голову и узнать, что ее гложет, о чем она печалится, и какая из идей сегодня выходит на первый план в списке ее дел. Будучи открытой и невероятно искренней со всеми, для меня она все равно оставалась головоломкой, которую я так и не сумел разгадать. Спрашиваю себя снова и снова, что в ней такого, что я не могу перестать о ней думать?

Я презирал богачей всю свою жизнь, дети в нашей школе всегда делились на классы. Это ощущалось во всем, пока мы с братьями не стали достаточно взрослыми, чтобы давать отпор привилегированным мудакам и их подпевалам. Авелин никогда не была в их числе, ни разу за все годы учебы в Айридж Миддл она не выставила напоказ свое положение в обществе. Впервые я увидел ее много лет назад около трибуны, на которой выступал Джефффри. Темноволосая девочка держалась за руку матери так, словно вот-вот рухнет от волнения, и почти не смотрела на толпу горожан. Мне было восемь, значит ей всего шесть, тогда я и представить не мог, что заиклюсь на ней, а она даже не будет помнить о моем существовании.

В день, когда наши миры впервые пересеклись, мне исполнилось пятнадцать, и я как обычно слинял с урока, чтобы покурить за школой. Подобное не было вершиной моего юно-

шеского бунта, поскольку уже тогда мысли, наводнявшие мою подростковую голову, пугали Слэйда и школьных психологов. В какой-то момент я просто перестал ими делиться, чтобы не нервировать брата еще больше, он вынужден был остаться без детства, чтобы воспитывать нас с Ривеном, и я не хотел омрачать его жизнь еще больше. Поэтому просто бродил по коридорам во время уроков, ссылаясь на слабый мочевого пузырь, а в самом деле размышляя о вещах, которые далеко не каждый смог бы понять. Процент больных на голову людей не так высок, как может показаться, но это я узнал уже будучи взрослым. Точнее прочитал в одной из книг по психологии, пока искал ответы на вопрос, почему я такой дефектный.

Спойлер: ответа до сих пор нет.

Итак, я просто бесцельно слонялся, собираясь спуститься к черному входу, ведущему за здание школьного бассейна, но вдруг услышал хрипящие звуки, заставившие меня остановиться. Это было что-то невероятно чарующее, ласкающее слух и одновременно с тем сбивающее с толку. Когда я душил засранца Малкольма Вайнштейна, тот тоже задыхался и сипел, но это звучало раздражающе, и я хотел, чтобы он побыстрее заткнулся, усиливая давление на его трахею.

Спустившись еще на пару ступеней вниз, я увидел девочку, сгорбившуюся в лестничном пролете так близко к краю, что сделай она еще шаг назад... Моя рука неосознанно потяну-

лась к ней, чтобы оттащить подальше и усадить на подоконник, не понимая, что делаю, я распахнул окно и с раздражением в голосе приказал ей дышать. Тогда я еще не разбирался в медицинской терминологии и не понимал, что приступ прогрессирующей бронхиальной астмы второй стадии нельзя прогнать одними лишь словами.

Но Авелин на удивление послушалась, может мой тон ее напугал или она, как и я, была готова цепляться за любую надежду. Но вот ее дыхание стало выравниваться, а цвет лица от синевато-красного вернулся обратно к человеческому. Я ушел, не дождавшись момента, когда придется объяснять свой иррациональный порыв, потому что понятия не имел, почему вдруг бросился ее спасать.

Если бы дочь мэра нашли на лестнице, задохнувшуюся во время урока в полном одиночестве, это не стало бы проблемой, люди умирают каждый день. Мои родители тоже не собирались слетать с моста в ту чертову реку, но судьба сделала выбор за них. Я был не долбаным ангелом-хранителем, а всего лишь простым ребенком, оставшимся на попечение брата и ни хрена не смыслящим в том, как быть добрым с другими. Может быть, если бы мама осталась жива, я бы смог научиться, но этот поезд на тот момент уже ушел.

Теперь, глядя на спящую Авелин, я рад, что вышел с урока пораньше, потому что звук ее чистого ровного дыхания — лучшее, что мне доводилось слышать за долгое-долгое вре-

мя. Она переворачивается на другой бок, несколько темных локонов падают ей на лицо, я отбрасываю их осторожным движением пальцев и перебираю пряди в течение пары секунд, прежде чем отпустить.

На прикроватной тумбочке лежит стопка фотографий, очевидно снятых в тот период, когда я на мгновение решил, что мир не такой мрачный и пустой. Авелин хмурится, глядя в объектив фотокамеры, на ее коленях альбом, страницы которого исписаны углем, часть листов вырвана, скомкана и валяется на траве вокруг. Мой взгляд невольно цепляется за ее альбом, я беру его и листаю. В нем около полусотни набросков, и каждый в моих глазах шедеврален. Не то, чтобы я хоть сколько-нибудь разбирался в искусстве. Просто стоит мне представить, как ее пальцы заботливо касаются бумаги, растирая острые линии, превращая их в тени и силуэты людей, мой член напрягается.

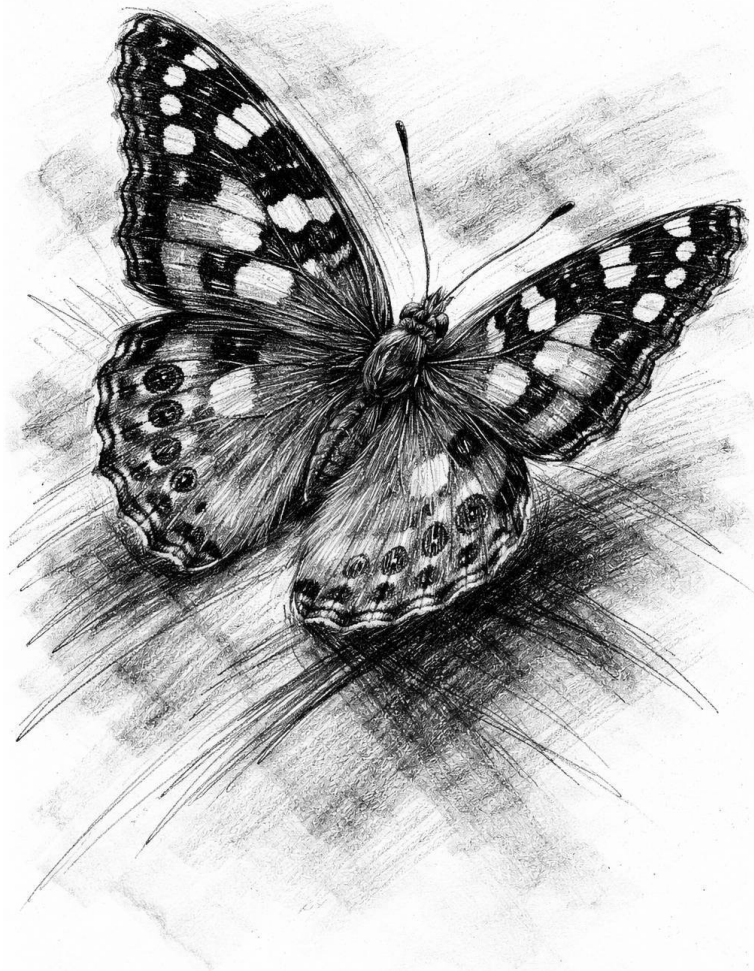
И он становится еще тверже прямо сейчас, когда мое собственное изображение чаще других появляется на страницах блокнота для рисования. Я проклинал неудобный костюм, а она, должно быть увидев его в толпе, запомнила. Ну, черт возьми, теперь это мой любимый, каждая складка на одежде передана фантастически точно, будто она часами смотрела, прежде чем перенести увиденное на пустой лист. Но как я не заметил... Она была так увлечена придурком ван Алленом, ни разу не повернув головы в мою сторону. И почему я не почувствовал ее взгляд, ведь он всегда притягивал меня

сильнее любого магнита...

Столько вопросов и ни одного ответа на них, но я узнаю, всему свое время.

Аккуратно вырываю один листок с безликим портретом и беру верхнюю фотографию из маленькой стопки. Пусть это станет платой за ее бесконечно долгое отсутствие и небольшим стимулом для меня ускориться в осуществлении своего плана. Бросив последний взгляд на Авелин, я выхожу из спальни, направляясь на поиски комнаты ван Аллена младшего. Небольшое послание не повредит, я хочу, чтобы ублюдок знал, что она моя и даже не думал мечтать об обратном, потому что совсем скоро я ее заберу.

Глава 5

Авелин

На вечеринке, устроенной в честь начала летних каникул, собралось около сотни человек. Двухэтажный дом на берегу озера переполнен настолько, что двери не закрываются. На крыльце установлены дополнительные динамики, подключенные к основной стереосистеме, и басы гремят на всю округу. Мимо нас проносится группа парней в трусах-боксерах, они издают боевой клич, прежде чем с разбегу прыгнуть в озеро. Брызги летят во все стороны, задевая парочку, расположившуюся на деревянном пирсе. Парень, сидящий со своей девушкой перестает приобнимать ее за плечи и встает, громко ругаясь с подвыпившими неандертальцами, которые в ответ окатывают его новой волной брызг. В итоге он забывает о своей спутнице и, наспех сбросив ботинки, прыгает в озеро прямо в одежде, чтобы устроить разборки на воде, тщетно гонясь за нарушителями спокойствия.

Мы заходим в дом одними из последних, приглашения были разосланы еще до моего возвращения, но в коротком печатном тексте было сказано, что можно привести с собой друга. Я не планировала приходить, намереваясь провести вечер с отцом, чтобы попытаться поднять тему перевода. Но Мэдисон пропустила мимо ушей все до единой отговорки, проворчав, что я обязана вернуть к норме свой уровень со-

циальной активности. Что ж, неизвестный мне дом, под завязку набитый незнакомыми людьми, судя по всему – то, что нужно. Большинству здесь, как и мне, еще нет двадцати одного года. Но огромная пивная бочка окружена неконтролируемой толпой, а люди, отвечающие за порядок, следят лишь за тем, чтобы запасы разноцветных банок в гигантских чашах со льдом вовремя пополнялись. Человек, рискнувший напоить половину молодежи в городе, судя по всему, не нуждается в деньгах.

– А кто хозяин вечеринки? – спрашиваю, придвигаясь ближе к Мэдисон, чтобы услышать ее ответ через крики и музыку.

– Не все ли равно, если у нас безлимит на веселье и напитки? – она избегает моего взгляда, что только усиливает тревожное чувство.

В Швейцарии я пару раз ходила на подобные мероприятия, правда в уменьшенном масштабе и с более пафосной публикой. Большая часть тех людей потягивала дорогой скотч, употребляя слова: «стоимостный инжиниринг» и «геополитический мониторинг». В общем, как и все прочие занудные термины, выдающие восемнадцатилетних бывших школьников за седеющих и лысеющих акул, лавирующих в море старых денег. Я была слишком хорошо воспитана, чтобы откровенно зевать, поэтому просто кивала, делая вид, что прекрасно понимаю, о чем идет речь. Никому не было дела, что я выросла в обычном мелком промышленном городке,

ходила в обычную школу и о бизнесе слышала лишь в новостях.

Моя семья не из бедных, это факт, отец каким-то образом научился добывать деньги из воздуха, став мэром. Мы легко могли позволить себе путешествия пару раз в год и некоторую недвижимость за пределами города просто в качестве долгосрочной инвестиции. В отличие от отца, ни я, ни мама никогда не кичились благосостоянием, стараясь прожить жизнь так, чтобы в нас не тыкали пальцем, указывая, что Кинкейды вовсе не обычная среднестатистическая семья в Айрон Ридже. Вот почему мне вдруг стало интересно, что за идиот решил выкинуть целое состояние на обычную вечеринку.

– Ты уверена, что нам вообще стоит быть здесь?

– Мы уже пришли, перестань быть такой нервной, ты портишь мне веселье! – Мэдди толкает меня прямо к стойке с напитками, выхватывая две банки фруктово-алкогольного коктейля из ледяной чаши. – До дна! – она с шипением откупоривает свою, чокаясь со мной и тянет нас к танцполу, образованному в центре просторной гостиной.

Я не перестаю оглядываться по сторонам в поисках хоть немного знакомых лиц. Но все они перемешиваются, сливаясь в одно мутное пятно, по мере того, как мы двигаемся кружась и танцуя в толпе других девушек. Спустя время, пустая банка зажата в моей руке, нам удалось расслабиться и вдоволь повеселиться, ноги гудят от танцев, а голова слег-

ка кружится. Мэдди собирается принести еще напитков, она посылает мне вопросительный взгляд, но, не дожидаясь ответа, удаляется в сторону кухни, по пути начиная болтать со знакомыми людьми.

Это мой шанс найти уборную и немного привести себя в чувства, пока она не успела вернуться. Отправляюсь дальше по коридору, натываясь на очередь, которая слишком велика, чтобы ждать. Мой мочевой пузырь сигнализирует о приближающейся катастрофе, поэтому я игнорирую запрет о посещении второго этажа, прописанный в пригласительной листовке, и бегу вверх по лестнице в слабой надежде, что в доме есть еще один санузел.

Идея перестает казаться привлекательной, как только первая же дверь оказывается захлавленной кладовкой. Я спрашиваю себя, не пора ли включить голову, прислушаться к предупреждению и спуститься обратно, чтобы встать в очередь. Но пальцы одной руки уже сжимаются на деревянной ручке, пока вторая толкает следующую дверь. Это спальня, судя по всему мужская, с темными стенами и неряшливо заправленной кроватью.

Позже я буду проклинать себя за бестактность, но прямо сейчас еще одна дверь внутри комнаты дает подсказку, что за ней именно то, что мне нужно. Несусь туда, и, обнаружив ванную комнату, счастливо вскрикиваю. Стены из черной плитки и камня подсвечены по периметру светящейся лентой, идущей вдоль пола. Я не включаю свет, чтобы не

оставлять еще больше следов присутствия. Всего минутка, и я уйду также незаметно, как и вошла, пока хозяин дома занят своими гостями, он даже не узнает, что я вообще была наверху. Потом я разыщу Мэдди, и мы продолжим веселье, но лучше уже без алкоголя, ведь если бы не он, я бы не отважилась вторгнуться в чужое пространство, чтобы справиться с нуждой.

Спускаю джинсы и блаженно стону, не переживая, что кто-нибудь услышит, музыка в доме все равно слишком громкая. Взгляд скользит по краю раковины к каменной стене, за которой, как мне кажется, скрыта душевая кабина, пространство над ней освещено той же световой лентой, а с тропической лейки по капле стекает вода. Наверно поэтому здесь немного душно, иначе откуда бы взялся весь этот пар, вьющийся над полом.

Как только заканчиваю, смываю унитаз и возвращаю стульчак в первоначальное положение. Мою руки, проходясь холодной водой по лбу, шее и щекам, а потом обращаю внимание на запотевшее зеркало над раковиной. Слишком темно, чтобы разглядеть свое отражение, но я все равно провожу рукой по скоплению конденсата, чтобы проверить, не пострадал ли макияж.

Большая ошибка.

Стоит мне это сделать, как позади появляется размытая тень. Полоски, оставленной моей рукой достаточно лишь чтобы увидеть, как два сверкающих серых глаза, возникаю-

щие над моим плечом, прожигают все вокруг сквозь тьму. Единственное, что могу делать в течение долгих секунд – это загипнотизированно смотреть в их расплывающееся отражение, пока зеркало снова запотеваает. Больше ничего не вижу, но даже не оглядываясь знаю, что кто бы ни стоял позади меня, он заполняет своим присутствием все пространство ванной комнаты, которая теперь кажется не больше обувной коробки. Мне буквально нечем дышать, ведь стены и потолок сжимаются.

Перед тем, как конденсат окончательно покрывает зеркало, я вижу, что тень прищуривается, и отшатываюсь. Но слишком поздно вспоминаю, что угроза не ограничена пределами зеркала, она прямо за спиной. Врезаюсь во что-то твердое, моя футболка намокает от соприкосновения с поверхностью, хриплое дыхание касается затылка. Это мужчина, вероятно хозяин спальни. Какая же я дура. Не слишком ли поздно просить прощения? И что еще хуже, он слышал, как я писала в его ванной. А может быть даже видел.

От страха и неловкости тело немеет, ноги прирастают к полу, я ощущаю, как твердая рука ложится на мой живот, удерживая, словно он может читать мысли, в особенности последнюю из них, которая велит мне бежать.

Корвин

Я чувствую ее всю: то, как оглушительно громко стучит ее сердце, как она рвано выдыхает после почти целой минуты произвольной задержки дыхания. Я вижу ее расширенные

зрачки и маленькие капельки воды, еще оставшиеся на лбу и волосах. Моя обнаженная влажная после душа грудь соприкасается с ее спиной, и я не могу ясно мыслить, даже зная, что напугал Авелин до смерти. Просто не могу пошевелиться, чтобы случайно не сделать больше, чем уже сделал.

Авелин громко сглатывает, встречаясь со мной взглядом, прищуриваюсь, пытаюсь прочесть мысли, скрытые в ее голове, но карие глаза не дают ни единой подсказки. Она отшатывается от зеркала в попытке сбежать, но путь прегражден моим телом, моя рука неосознанно ложится ей на живот, удерживая на месте. Авелин снова не дышит. Тогда я делаю над собой усилие и вместо того, чтобы крепче прижать, убираю руку, отступая обратно в тень ванной комнаты.

Мне не нравится яркое освещение, может быть потому что свет никогда не был частью меня самого, мы с ним не созданы для гармонии. Она не вошла бы, не будь в моей спальне темно, это знание заставляет меня желать бросить вызов – насколько далеко во мрак Авелин Кинкейд готова шагнуть.

Как раз когда эта мысль пронзает невидимым кинжалом, тело Авелин отмирает. Она делает два глубоких стратегически выверенных вдоха и выпрямляется, а потом просто выходит за дверь, оставляя меня стоять в полутьме одного, окруженного лишь своими мыслями и дурманящим голову ароматом вишни.

Ривен проигнорировал просьбу Слэйда не устраивать ни-

каких сборищ во время его отсутствия, поэтому наш общий дом гудит от наплыва пьяных придурков. Я не собирался спускаться вниз, пока Авелин не ворвалась в мою спальню, оповестив о своем приходе. Обычно каждый проходящий соблюдает правило второго этажа, не желая связываться с «Кланом дороги» и попадать в немилость одного из братьев Бёрк. Мне даже в голову не приходило, что Авелин могут быть интересны студенческие вечеринки. Так что не знаю, что стало большим сюрпризом: ее появление в доме или вторжение в мою комнату, в любом случае теперь я вынужден спуститься, чтобы лично проконтролировать, чем она занимается.

– Корвин, подожди! – еще не успев обернуться уже жалею о своем решении. У меня нет времени болтать с прилипчивой Вики, я должен найти Авелин. – Не знала, что ты спустишься.

Вики выбегает вперед и преграждает путь, двумя руками упираясь мне в грудь, ее светло-рыжие волосы, заплетенные в изящные косы уложены в два низких пучка, а губы подведены каким-то красноватым блеском, сильно выходящим за контур. Я не силен в женских штучках, но явное внимание Вики с каждым разом все сложнее игнорировать, вот почему я практически не высовываюсь и запрещаю гостям подниматься наверх.

– Я и не собирался, – отвечаю, аккуратным движением снимая с себя обе ее руки. – Мне надо найти Ривена.

– О, я видела его с девушкой, кажется, – как будто это новость. Мой брат перетрахал половину города и не собирается останавливаться. Внезапно эта мысль кажется еще более весомым поводом ускориться в поисках Авелин. Если он вдруг решит, что она – та самая необходимая его члену свежая кровь, я убью его до того, как Слэйд обрушит на говнюка свой гнев из-за вечеринки.

– Спасибо, мне нужно идти, – я снова продвигаюсь к выходу, но Вики не отстает, и я начинаю закипать внутри.

– Уверена, он сейчас кем-то занят. Может выпьешь со мной, пока ждешь? – Вики закусывает губу, не желая принимать поражение. Это не выглядит соблазнительно, скорее инфантильно и глупо, а еще немного раздражающе.

– Извини, в другой раз, – машу рукой в сторону стойки с напитками. – Угощайся.

Мне требуется около пятнадцати минут поисков в доме, прежде чем выхожу за его пределы и двигаюсь в сторону озера, где небольшая компания собралась вокруг костра, разместившись на бревнах. Несколько студентов местного колледжа с ног до головы мокрые, еще парочка раздевается, готовится прыгнуть в озеро. Иногда мне хочется придушить Ривена за хаос, который он сеет повсюду. Если бы я не знал, что это его метод справляться с внутренней болью, то так бы и сделал. Но каждый из нас находит свой способ выпустить пар, и я уж точно не тот, кто будет винить брата за какую-то вечеринку.

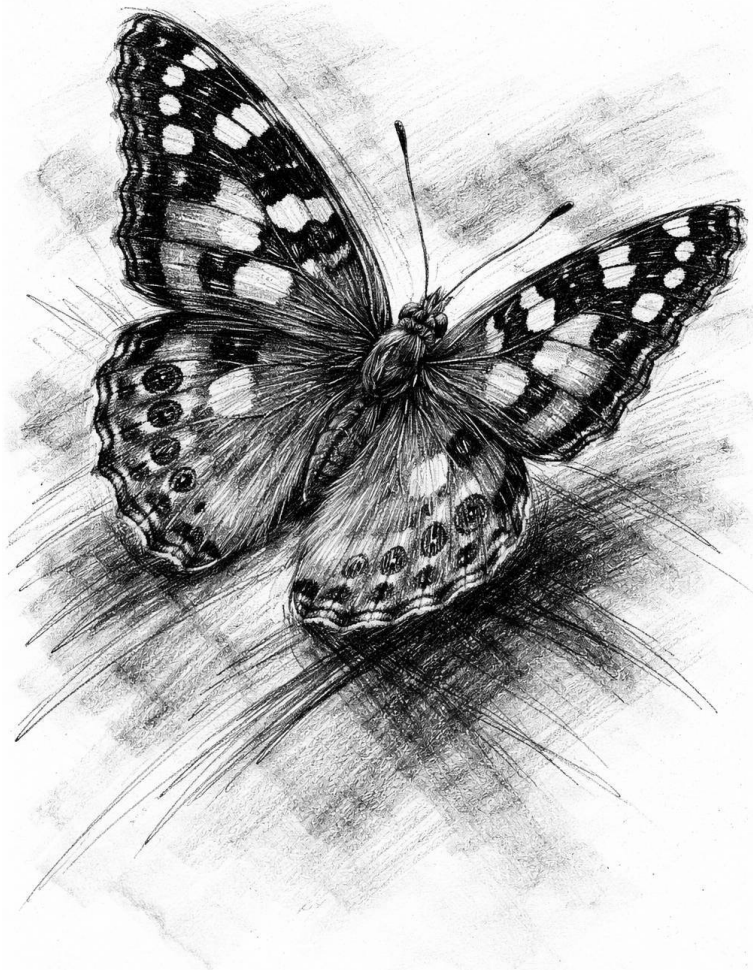
Я замечаю ее как только оказываюсь достаточно близко к костру, получше разглядывая лица собравшихся. Авелин сидит между лучшей подругой и чертовым Брэдом ван Алленом, которого не помню, чтобы когда-нибудь приглашали. Рив стоит в стороне, прислонившись к дереву, уставившись на Мэдисон так, словно хочет схватить ее и кинуть в костер. Его челюсть плотно сжата, а руки играют с зажигалкой, явный признак того, что он в бешенстве. Мэдисон зевает и кладет голову Авелин на плечо, та наклоняется, чтобы что-то спросить, но первая лишь отрицательно качает головой, через костер глядя на Ривена так, будто думает, что утопить его в озере отличная идея.

Прежде чем начать разбираться в ситуации и анализировать противостояние Рива и девчонки ван Аллен, я обращаю внимание на толстовку в которую одета Авелин. Точно помню, что она приходила в футболке, ткань была настолько тонкой, что я практически чувствовал ее голую кожу своей. Сейчас же ее сменила голубая безразмерная тряпка с эмблемой университета штата, и моя кровь закипает в понимании. На ней толстовка ван Аллена. Подтверждая мою теорию, Авелин тянется к нему слишком близко, ее губы движутся, но я не могу разобрать слов. Он легонько кивает в ответ и прижимается губами к ее ушной раковине, после чего обращается к сестре, но та снова отрицательно качает головой.

Сам не понимая, что веду себя глупо, подхожу ближе к костру, вставая прямо напротив Авелин. Я смотрю на огонь,

но все мое внимание сосредоточено только на ней, и я чувствую, как жар от пламени усиливается, стоит ее глазам зафиксировать мое присутствие. Вот тогда я поднимаю взгляд во второй раз за вечер встречаясь с этими темно-кариими глазами.

Ну здравствуй, Нимфалида, вот твое время и вышло!

Глава 6

Авелин

Спустившись на первый этаж, я обнаружила свою подружку ругающейся с Ривеном Бёрком, который явно был недоволен ее танцами и количеством выпитого алкоголя. Мэдди швыряла в него деньгами, не столько для покрытия ущерба, сколько для того, чтобы тот отвязался. Но Ривен только больше свирепел, поэтому мне пришлось вмешаться и вывести Мэдди на улицу.

С тех пор как Ривен позвонил Брэду с просьбой забрать Мэдисон, она ведет себя еще более странно. Ни на минуту подруга не переставала сыпать ругательствами, отказываясь ехать домой. А я не могла сбежать и бросить ее одну в малоизвестном месте. За то время, пока мы ждали приезда Брэда, я узнала, что дом принадлежит братьям Бёрк, как и большая часть строений на этом берегу озера. Земля была анонимно выкуплена на аукционе лишь потому что мой отец хотел построить здесь нечто вроде причал-отеля, но Бёрки всячески стремились помешать плану застройки. Оказалось, что между нашими семьями успела сформироваться давняя неприязнь, выросшая в полномасштабное противостояние. Так что технически около получаса назад я забрела в ванну своего негласного врага и помочилась в его присутствии, пока он по, всей видимости, был абсолютно голым после душа.

Превосходно! Просто прекрасно!

Слова Брэда растворяются в воздухе, как и отрицательное бормотание чертовски пьяной Мэдисон, пока я смотрю в напряженное лицо парня, что уставился на меня поверх пламени костра. Тот самый Бёрк, что запретил подниматься на второй этаж. Я могла бы провалиться сквозь землю, снова сбежать или просто ждать, пока он публично унижит меня, но толчок вины в животе заставляет пойти иным путем.

– Подержишь ее? – спрашиваю Брэда, осторожно поднимаясь с места, привалившаяся к моему плечу Мэдисон соскальзывает головой ему на колени и стонет, глядя в звездное небо.

– Конечно, – вздыхает Брэд, в очередной раз уговаривая сестру поехать домой. Он слишком терпеливый и мягкий, другой бы уже закинул ее на плечо и утащил отсюда.

Загадочный Бёрк, больше не смотрит на меня, он сосредоточен на том, как все ярче разгорается огонь. Из под низко натянутого капюшона его черной толстовки я вижу, как пламя лижет светло-серые радужки глаз, редчайший цвет из беловатого превращается в золотую сталь. Я подхожу ближе, чувствуя жар от костра.

– Привет, – мой голос звучит хрипло, парень никак не реагирует, за исключением того, что мускул на его челюсти слегка подрагивает. Прочищаю горло и повторяю чуть громче. – Привет! Я... мне очень жаль, что... вломилась в твою ванную.

Он резко отрывает взор от пламени, словно только что понял, что я обращаюсь к нему, и хмурая складка над густыми темными бровями разглаживается. Несколько секунд он просто смотрит мне в глаза, после чего улыбается самой прекрасной в мире улыбкой, и слабое гудение в моем теле усиливается.

– Привет, – тембр его грубоватого голоса звучит опасно знакомо, как будто я уже слышала его раньше, но не могу вспомнить, где. – Не стоит. За всю историю местных вечеринок это было самое захватывающее событие.

Он все еще улыбается, но теперь как-то странно, лукаво и как будто знает секрет. Заламываю руки, раскачиваясь на пятках.

– Ну... как бы там ни было, прости за это. Я не хотела нарушать твое личное пространство и все такое. Я здесь недавно и не знала о правилах, – это конечно же ложь, правила были написаны жирными черными буквами прямо на флаере.

– Корвин.

– Прости?

– Мое имя Корвин.

Так значит он самый младший из братьев. И определенно самый красивый. В его островатых чертах лица нет ни единого изъяна, но больше всего завораживают глаза.

– Я Авелин.

В момент, когда ловлю себя на бесстыдном разглядывании Корвина, его взгляд опускается на мою толстовку, твер-

дая челюсть сжимается. Черная пелена заволакивает радужку, делая ее темнее.

– Подними руки, – внезапно командует он.

– Что?

– Подними руки, Авелин! – повторяет парень, и его властный тон почему-то заставляет меня подчиниться. Как только я повинуюсь, он без предупреждения задирает подол толстовки Брэда и тянет вверх, а затем полностью снимает с меня, я остаюсь стоять в одной футболке, пораженная странностью действий. Честно, я настолько обескуражена, что просто не могу решить, как именно стоит действовать: ударить его или возмущенно закричать. Может быть и то, и другое разом.

Но это еще не все, через секунду Корвин перебрасывает скомканную одежду через меня, и та летит прямо в костер. Мой рот широко открывается, когда оглядываюсь на Брэда, он по-прежнему занят своей сестрой, но все равно видит происходящее. Судя по его лицу, парень раздражен, но не может встать, чтобы не уронить Мэдди. Я вытягиваю руку вперед, призывая его оставаться на месте, затевать драку в чужом доме ни к чему, даже если хозяин повел себя откровенно грубо.

Не успеваю повернуться обратно, как на голову опускается что-то темное и мягкое, мои руки просовывают в рукава, терпкий аромат мужского геля для душа окутывает тело. Тот же самый запах, что я ощущала в ванной наверху, значит вот

как пахнет Корвин Бёрк. Он только что сжег толстовку другого парня только ради того, чтобы надеть на меня свою. Это уже слишком. Кем он себя возомнил?

Приходится запрокинуть голову и отбросить капюшон с глаз, чтобы посмотреть на виновника моего негодования с презрением. Но этот план проваливается в самом начале. Теперь без капюшона, скрывающего причёску и половину лица, Корвин выглядит не так враждебно и отстраненно. Но тревожит меня вовсе не это... Я узнаю его волосы, очень короткие и выкрашенные в платиновый белый, холодные, как лунный свет, они словно сошли с моих рисунков. По шее вверх из под ворота футболки тянутся черные заостренные узоры, они покрывают почти всю кожу до самого подбородка. Такие же есть на руках, от бицепсов до самых запястий, каждая линия на левой стороне его тела симметрично отражает правую.

– Так ты не призрак... – шепчу больше самой себе, чем ему.

Корвин усмехается.

– Вроде еще дышу.

На всякий случай я все равно протягиваю руку, чтобы ткнуть его пальцем в твердую грудь. Со стороны должно быть выглядеть слишком странно, но я должна была убедиться. Плечи Корвина содрогаются от беззвучного смеха, когда он осторожно обхватывает мое запястье. Его рука такая большая и теплая.

– Выпей со мной, Авелин, – он разворачивается и тянет меня к пирсу, откуда недавно прыгали ребята, теперь греющиеся у костра.

И снова ловлю себя на том, что делаю в точности, как он велит. словно пустоголовая марионетка я поднимаюсь по ступеням на деревянном причале, наблюдая, как Корвин берет из пляжного холодильника две банки пива и протягивает мне одну. Я уже выпила пару коктейлей и не хочу, чтобы Брэду пришлось тащить домой еще и меня, но все равно беру пиво.

– Ты решила, что я призрак, – прислонившись к промокшим перилам, Корвин изучает мое лицо. – Почему?

– Ты был на празднике в честь взятия города... – это не объяснение, и даже не вопрос.

Парень немного медлит, изучая мое лицо, прежде чем кивнуть и достает ключи из заднего кармана джинс, быстрым ударом острого края прокалывая нижнюю часть пивной банки, после чего затыкает отверстие большим пальцем. Я удивленно смотрю, как Корвин прижимает банку к губам, открывая верхнюю защелку и пьет через проделанное отверстие. Несколько капель стекает по его квадратной челюсти, падая на деревянные доски между нами. Затем он сминает банку, бросая ее в мусорный контейнер и вытирает губы тыльной стороной ладони. На костяшках его длинных пальцев выбиты буквы, но из-за темноты не могу разобрать очертаний.

– Иди сюда, – подзывает Корвин, забирая мою банку. На-

ши пальцы соприкасаются во второй раз, но я стараюсь не обращать внимания на разряды тока, пробегающие по коже. – Смотри! Зажимаешь вот здесь и прикладываешь к губам, а потом дергаешь кольцо и пьешь. Осторожно, поток будет сильным, сделай глубокий вдох.

Обычный способ тоже казался неплохим, но в выпивании залпом есть что-то хулиганское, идущее вразрез со всем, что я знала с рождения. Мне хочется побыть бунтаркой всего один раз, поэтому как только Корвин ударяет по банке ключом, я прикладываю палец к отверстию, а потом заменяю его губами.

– Давай, – с горящими глазами подбадривает Корвин, и я тяну за кольцо, дергаясь назад от силы, с которой пенистое пиво устремляется мне в горло. В носу пощипывает от желания отстраниться, но я не перестаю глотать, видя, что улыбка Корвина становится еще шире. Как будто я прошла какой-то негласный обряд инициации и теперь принята в ряды странных и загадочных нигилистов. – Ты отлично справилась, Нимфалида! – покровительственно произносит он, костяшками пальцев стирая капли пива с моего подбородка. Он забирает сжавшуюся от давления банку, еще больше комкая ее и выбрасывая в мусор.

Провожу языком по влажным губам, делая шаг назад, чтобы освободиться от чарующего плена и наконец отдышаться. Пиво ударяет в голову, доски под ногами поскрипывают, слышу лишь стук в ушах и то, как вода бьется в опоры при-

чала, создавая серию всплесков.

– Так что во мне навело тебя на мысли о призраках?

Это тот самый момент, где он решит, что я ненормальная.

– Местные говорят, погибшие солдаты все еще ходят среди живых, а ты в тот вечер так быстро испарился, что я решила...

– Будто я мертв? – он снова усмехается, складывая руки на мускулистой груди и чешет нижнюю губу кончиком большого пальца. Наверно не может понять, шучу я или действительно спятила. – Спешу огорчить, но я жив, иногда даже слишком. Люди в городе постоянно что-то болтают, не принимай на веру все, что они говорят.

Декадентское заявление никак не вяжется с его милой улыбкой, Корвин полон противоречий и внезапно это вызывает во мне желание узнать о нем больше. Но я не спешу, вместо этого спрашивая:

– А как же те, кто не вышел из рудника? По-твоему их призраки тоже выдумка?

– Даже если и нет, тебе не стоит их опасаться, – Корвин делает паузу, и его следующие слова звучат немного странно, даже угрожающе. – Живые доставляют куда больше проблем.

Я киваю, понимая, что возможно речь о моем отце, чувствую, как щеки начинают гореть. Порыв ветра доносит звуки треска костра и чей-то смех. Громкий вой, за которым следует шлепок воды, оповещает о том, что кто-то из смель-

чаков снова прыгает в озеро. Холод ночи пробирается по ногам, но толстовка Корвина, окутывающая мое тело, согревает лучше любого источника тепла, мне совсем не хочется ее снимать.

– Что означает это слово... ним... что-то там? – мне нравится, как парень его произнес, лаская языком каждую букву.

– Нимфалиды – семейство дневных бабочек, – Корвин на секунду переводит взгляд за мое плечо, кому-то кивая, я оглядываюсь, чтобы проверить, но там никого нет. Наши глаза снова встречаются, и он продолжает, доставая сигарету и зажигалку, щелкая крышкой. Огонь вспыхивает, отражаясь в серебристых радужках его глаз, пока Корвин неторопливо прикуривает, делая затяжку. – Они часто камуфлируются, складывая крылья, скрывая истинный яркий окрас. – Выдыхает густой дым. – Некоторые даже притворяются мертвыми, чтобы защититься от внешнего мира. Но когда внезапно раскрываются, зрелище действительно завораживает.

Белое облако клубится вокруг его головы, медленно рассеиваясь в ночном воздухе.

– Звучит, как нечто особенное.

– В том-то и проблема, – он подходит ближе, сокращая расстояние между нами и выдыхает новую порцию дыма в сторону, держа сигарету подальше от меня. Пальцы его свободной руки подхватывают мой подбородок, приподнимая голову так, что наши лица оказываются ближе. – Семей-

ство насчитывает около шести тысяч видов практически на всех континентах, вот почему коллекционеры не видят в них большой ценности. Чертовы глупцы. Для тех, кто ничего не смыслит в красоте это нормально, большинство людей просто слепы по отношению к себе и другим.

Его слова заставляют меня задуматься, не потому что он всецело прав, а потому что в этом есть что-то знакомое. Чаще всего мы не видим красоту в собственном отражении, внутри себя, вокруг... Она есть даже в уродстве, но лишь немногие способны ее распознать, и в этом нет злого умысла, просто огорчающий факт. Наверно поэтому для большинства жить с ощущением, что тебя недостаточно, стало нормальным, хоть это чудовищно несправедливо и даже по-своему жестоко. Но вслух я произношу другое.

– Вероятно, если бы каждый второй восхищался нимфалидами, они не стали бы для тебя столь прекрасными и особенными.

Корвин смотрит на меня в течение одной очень затяжной минуты, в выражении его глаз согласие борется с отрицанием, когда зрачки расширяются, тьма в них заволакивает все признаки лунного свечения. Складывается ощущение, что если сейчас проникну в его помыслы, уже никогда не смогу стать прежней.

– Вот почему никто другой их не заслуживает, – твердо говорит он, наклоня свое лицо ближе к моему. Я слышу нотки собственничества, сильно бьющие по моим нервным окон-

чаниям. Собираюсь задать вопрос, но голос из-за спины прерывает звон последней фразы в моих ушах.

– Эви! Нам пора! Я отвезу тебя домой, – застигнутая врасплох резко разворачиваюсь, глядя на Брэда, придерживающего Мэдисон за талию. Похоже, она немного пришла в себя и теперь блаженно улыбается мне, покачиваясь на ногах.

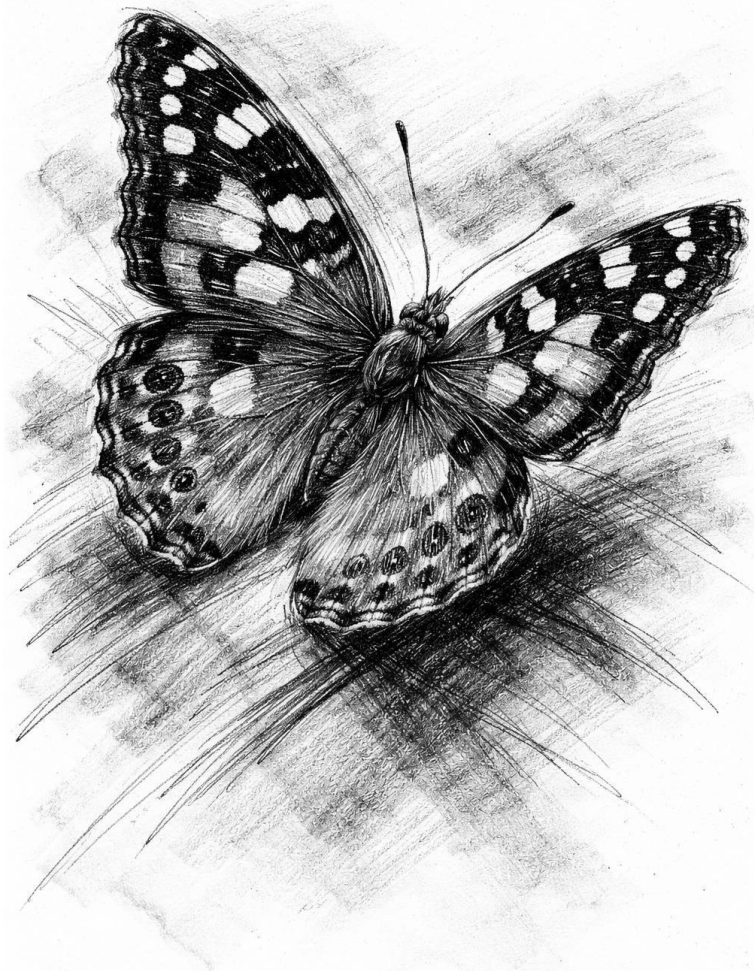
Мощная энергия касается спины за секунду до того, как тело Корвина прижимается к моему, прямо как час назад в ванной. Брэд сверлит его убийственным взглядом, стиснув зубы, он все еще злится на выходку Корвина. Кажется, что я слышу тихий смешок у себя над головой, свидетельствующий о том, что последнему плевать на чувства Брэда. Не желая усугублять ситуацию, начинаю идти, радуясь тому, что Корвин не попросил свою толстовку назад. Ее мягкость обволакивает, а мужской аромат, въевшийся в ткань, преследует до самого дома.

Когда я наконец оказываюсь в своей спальне, сбрасываю лишь обувь, натягивая капюшон на голову, прежде чем усесться на кровать с блокнотом в руке и начать рисовать черты, которые теперь накрепко въелись в сознание.

Лишь спустя несколько часов, когда первые лучи рассвета врываются в окно, падая на страницу, я выхожу из творческого транса, любуясь своей работой. Человек на ней больше не призрак, более того, он вполне реален, как и вся прошедшая ночь, головокружительным похмельем растворяющаяся с приходом солнца. Изучая листок, встаю, направля-

ясь к балкону, чтобы распахнуть его створки. И тут я слышу это. Отдаленный шепот, доносящийся из недр заброшенного рудника. Корвин был прав, теперь этот звук меня не пугает, но и храбрее не делает. Я все еще ощущаю, что мне есть, чего бояться, только вот это вовсе не призраки.

Глава 7

Авелин

Что-то изменилось.

Я не могу описать свои ощущения, но чувствую, как нечто неминуемое подкрадывается, и самое удивительное, что я также знаю, что не в силах это остановить.

Для творческого человека быть чрезмерно драматичным и становиться жертвой воронки собственных фантазий вполне нормально. Был период, когда я даже всерьез задумывалась, не страдаю ли синдромом главного героя. Чувство, что за мной постоянно наблюдают, впервые появилось через несколько дней после первого приступа в школе. Это повторялось и не раз, в конце-концов я привыкла и даже скучала по этому ощущению, живя в Швейцарии, пока оно не вернулось в тот вечер в баре.

Теперь куда бы я ни шла, тепло на моем затылке наэлектризовывает нервные окончания, заставляя мучиться догадками: это взаправду или я просто схожу с ума?

Этим вечером Брэд забирает меня из дома родителей, чтобы отвезти на свидание. Он только что купил новую машину и сообщил, что я первый почетный пассажир, опробовавший сиденья из уникальной и редкой кожи. Наощупь и на вид она такая же как и любая другая, но мне нравится чувствовать себя особенной для него. Местечко, которое он выбрал

для ужина, находится за пределами Айрон Риджа, это новое заведение по статусу сравнимое с лучшими ресторанами в крупных мегаполисах. Мама не переставала повторять, как мне повезло, томно вздыхая на протяжении целого дня. Я была бы рада обычной забегаловке в родном городе, но Брэд настоял, чтобы все было по высшему разряду. И вот я здесь молча уставилась в меню, не представляя, какое из многочисленных незнакомых блюд стоит выбрать.

– Я уже говорил, как тебе идет это платье? Ты настоящая красавица, Эви! – восклицает Брэд, глядя на меня поверх своей папки.

В отличие от прошлого раза, сегодня его комплимент не вызывает столько мурашек, он просто звучит как самая обычная лесть. На мне бело-голубое платье с цветочным орнаментом, волосы пришлось немного укротить заколками. Теннисный браслет, сверкающий на запястье, сочетается с маленькими бриллиантовыми сережками, это подарок отца на мое совершеннолетие.

Мы с Брэдом выглядим как образцовая пара из каталога летней коллекции какого-нибудь бренда, отшивающего наряды исключительно для представителей высших слоев общества. И я чувствую себя немного не в своей тарелке, единственное, что не дает впасть в странное отчаяние – немного угля, застрявшего под ногтями. Большую часть времени мои руки выглядят так, словно я целыми днями работаю в шахте. И это самое привычное из всего, окружающего нас в данную

минуту, необходимый мне якорь.

– Спасибо, ты тоже отлично выглядишь, – это чистейшая правда. Хотя обмен репликами и напоминает тот, что был на параде, как будто мы в какой-то дурацкой временной петле.

Брэд принарядился, его светло-бежевый сшитый на заказ костюм элегантен и прекрасно сочетается с голубой рубашкой. Это наводит на мысль, что кто-то, кто знал о моем наряде, подсказал брату, что именно ему стоит надеть. От одной только мысли, что он и Мэдди так заморочились ради меня, кружится голова, делаю глоток воды, чтобы смочить горло. Поборов приступ жажды я впервые за вечер осматриваюсь по сторонам, отмечая дорогой интерьер ресторана и милovidные столики на двоих, расставленные в хаотичном порядке.

Мы делаем заказ и непринужденно болтаем, Брэд рассказывает о поездке, а я вскользь упоминаю о ночевке с Мэдди, мне наконец удастся расслабиться и перестать ерзать на стуле. Я на свидании с парнем, который нравится мне, а я нравлюсь ему, разве это не чудесно?

– Кстати, об этом. – Брэд отламывает кусочек хлеба, лежащего в корзинке перед нами, затем методично намазывает ароматным маслом и протягивает мне. – Не хочу показаться странным, но кто-нибудь из вас двоих случайно не заходил в мою комнату?

Протягиваю руку, но Брэд уворачивается, поднося закуску прямиком к моим губам, тянусь навстречу, прищуриваясь

и обдумывая его слова.

– С чего бы нам это делать? – масло тает на хрустящей корочке у меня во рту.

Я уже рассказала, что мы смотрели фильмы, ели пиццу и болтали, пока обе не отключились до утра. Мэдди из тех сестер, кто не приблизился бы к комнате брата даже под дулом пистолета, она с детства считает все, что мальчишки делают за закрытыми дверями, крайне гадким и на сто процентов заразным. После случайного визита в спальню Корвина, я убеждена в обратном, никаких аномалий обнаружено не было. Не то чтобы у меня было время порыться в его вещах, но выглядело все довольно прилично.

Теперь, когда я думаю об этом, мне хочется вернуться, чтобы изучить каждый уголок мрачного пространства. Низ моего живота непроизвольно сжимается, но к счастью подошедший официант уже ставит перед нами еду, отвлекая от непрошенных мыслей. Хватит с меня и того, что не перестаю рисовать одно и то же лицо, как одержимая. Образ Корвина давно отпечатался на обратной стороне моих век, так что я вижу его слишком ясно и четко даже когда закрываю глаза, чтобы сделать глубокий вдох, сидя здесь перед другим парнем.

Брэд, по всей видимости, решает, что моя реакция направлена на него.

– Я не обвиняю, просто спрашиваю, если ты хотела вернуть портрет, ничего страшного...

Открываю рот, чтобы переспросить, о каком портрете речь, но громкий вой с улицы прерывает разговор. Несколько голов поворачиваются в сторону окна. Брэд вскакивает, засовывая руку в карман брюк, вынимая оттуда ключи от машины, брелок в его руке издает тревожный писк.

– Я разберусь, оставайся здесь, – бросает он, прежде чем рвануть к выходу. Я тоже встаю, чтобы подойти к окну и посмотреть, не нужна ли помощь. С моего места почти не разобрать происходящего, но вскоре звук сигнализации прекращается, и я возвращаюсь к столу в ожидании возвращения Брэда.

Проходит двадцать минут, но он все не появляется, наша еда давно остыла, поэтому я достаю телефон, чтобы набрать его номер. Звонок сбрасывается. Чувство беспокойства в груди начинает разрастаться, я пробую позвонить снова, но вызов улетает на голосовую почту. Подзываю официанта, чувствуя себя полной дурой.

– Извините, со мной был друг, но он отлучился, потому что его машина...

– Да, я в курсе, мисс, – перебивает официант, чуть склоняясь над столиком и понижая голос. – Наш сотрудник на входе сказал, что он просто сел в свою машину и уехал.

Сердце проваливается в живот.

– Как уехал?

Видимо, парень, понимает, насколько провально это звучит в моих ушах. Даже если Брэду не понравилось свидание,

это не повод бросать меня здесь одну без объяснений. Внезапно становится жутко холодно, сглатываю горечь, образовавшуюся во рту, поднимая глаза.

– Тогда если вас не затруднит, принесите пожалуйста счет.

– Не беспокойтесь, мисс, он уже оплачен. Могу я сделать для вас еще что-нибудь?

Какая-то бессмыслица.

– Нет, большое спасибо, – я стараюсь не встречаться с ним взглядом, сгорая от смущения.

– Приятного вечера, – официант удаляется, а я все никак не найду сил, чтобы встать и покинуть заведение, чувствуя, как слезы собираются в уголках глаз.

По крайней мере Брэду хватило такта оплатить нетронутый ужин. Что вообще за ерунда? Это так на него не похоже... Пробую позвонить еще дважды, но все попытки только еще больше подрывают мою веру.

Испытывая невероятно сильный прилив злости, я подаюсь вперед и одним сильным дуновением гашу обе свечи. В этом позорном вечере нет ничего романтического, и вряд ли пара фитилей, обернутых воском, это исправят.

Ничто этого не исправит...

– О, привет! Не ожидал, встретить кого-то знакомого так далеко от дома! – на свободный стул напротив меня опускается человек, которого я тоже никак не ожидала встретить.

Корвин

Шокированная моим появлением, Авелин быстро смахи-

вает не пролитую слезинку и глубоко вздыхает, прежде чем ее плечи пораженно опускаются.

– Что ты здесь делаешь? – ее голос дрожит и звучит подавлено. Заставляю себя не думать о том, что именно я стал причиной этой грусти. Придет время, и я заглажу свою вину. На самом деле это одна из причин, почему я здесь.

– Были кое-какие дела в городе. Я проходил мимо и увидел тебя, – вру, наблюдая, как Авелин поворачивает голову к окну, после чего кивает самой себе. Предвосхищая ненужные вопросы, даю объяснение, прежде чем отвлечь ее внимание тем, что точно сместит фокус с меня. – Почему ты сидишь тут одна?

Моя добродушная улыбка служит снотворным для ее бдительности.

Брови Авелин сходятся на переносице, и глаза на секунду мечутся к экрану телефона, лежащего на столе, как будто она ждет, что ее ухажер позвонит и объяснится. Но он не позвонит, я позаботился об этом.

Черт, она так беспощадно красива даже с выражением тоски от разочарования на этом прекрасном лице. Жаль, что я не умею рисовать так же красиво, чтобы сотни дней один за другим повторять ее черты на бумаге. Из тринадцатилетней девочки с огромными карими глазами, печальными и непонятыми никем в Айрон Ридже, Авелин Кинкейд выросла в настоящую ослепительную красавицу. Мои руки зудят от желания перевернуть стол, отшвырнуть его в сторону и

прикоснуться к ее лицу, провести кончиками пальцев по покрасневшимся щекам и этим полным губам. Член в моих джинсах болезненно напрягается, как каждое нервное окончание во мне он желает соприкоснуться с этой девушкой. Я сижу здесь, сверкая беззаботной улыбкой, сводящей скулы, а внутри умираю, сходя с ума от тоски по ней.

– Это самая стыдная история за последние несколько лет, даже при учете истории с моей выходкой в твоей ванной. Так что может я расскажу, а ты вдоволь поглумишься? – внезапно сжав руки в маленькие кулачки, начинает она.

Эта версия Авелин мне еще не знакома. Где-то под поверхностью моей кожи кровь закипает от предвкушения, что каждый ее слой будет снят мною с особым трепетом, сравнимым лишь с детским восторгом в рождественское утро. Я буду первым, кто увидит ее без кокона, в котором она пряталась всю свою жизнь.

– Итак, с чего бы начать, – она допивает воду, ставя стакан на стол и указывая на две тарелки еды, которые официант до сих пор не удосужился убрать. Стоит отлучиться, чтобы сломать идиоту обе руки, но я откидываюсь на стуле, притворяясь, что весь внимание.

– Давай, Нимфалида, выплесни свою злость! – подбадриваю я.

– Окей, ситуация в том, что парень пригласил меня на свидание. Наше первое свидание. – Поправляя идеально сложенные приборы, она еще раз подчеркивает, будто я и без

того не расслышал, что этот урод посмел перейти мне дорожку. – А потом в его машине сработала сигнализация, он... Я даже, черт возьми, не знаю, что именно произошло. Он вышел ненадолго и с тех пор, как видишь, все еще не вернулся.

– Ты пробовала ему звонить? – конечно она пробовала, телефон ван Аллена отключен и лежит во внутреннем кармане моей кожаной куртки.

– Да, но звонок отправляется на голосовую почту, и прежде чем ты скажешь, что у него должно быть сел телефон или еще что-то подобное, я должна опередить тебя. Официант рассказал мне, что кто-то из служащих видел, как Брэд просто сел в машину и уехал.

– Брэд как Брэд ван Аллен? – когда она кивает, я с видом неверия качаю головой. – Вот же придурок. Ну я не особо удивлен, он всегда был немного странным.

Авелин неосознанно принимается защищать.

– Мы дружим с самого детства, он брат моей лучшей подруги, и наши родители тесно общаются уже много лет, – судорожно начинает она, явно занимаясь самокопанием в поисках причины исчезновения ее спутника. – Зачем было приглашать меня, если... – не закончив фразу, она закрывает лицо обеими ладонями.

Спасибо, Господи!

Я принимаю этот шанс, с радостью касаясь ее нежных рук, чтобы убрать их с лица.

– Не стоит переживать из-за него, Нимфалида, и уж тем

более искать причину в себе. Иногда люди просто поступают дерьмово потому что могут, и разгребать последствия должны только они сами.

Хотел бы я рассказать, как все было на самом деле.

Подкравшись к дому Авелин этим вечером я планировал немного понаблюдать, прежде чем уйду на задание, связанное с Кланом. Но миссис Кинкейд была так воодушевлена свиданием дочери, что ее радость просачивалась сквозь стены дома, впиваясь в мои уши. Болтая по телефону в саду, она твердила о ресторане в соседнем городе так, словно ублюдокован Аллен достал для Авелин звезду с неба.

И я сорвался.

Потребовалось меньше тридцати минут, чтобы прибыть на место, и когда мои глаза нашли парочку, сидящую по ту сторону окна и мило беседующую за ужином при свечах, красная пелена заволокла зрение. Быстро оценив ситуацию и проверив камеры, я снова заглянул в окно ресторана, уловив момент, когда к столику подошел официант. К огромному несчастью ван Аллена, миссис Кинкейд обмолвилась о новой машине, найти которую не составило большого труда. Ярко-красный «БМВ» стоял припаркованным чуть дальше по безлюдной улице.

Одного удара по лобовому стеклу оказалось достаточно, чтобы пошли трещины, а чертов ван Аллен выскочил из ресторана с позеленевшим лицом. Я не собирался прятаться, когда он в полном бешенстве направлялся ко мне быстрыми

шагами.

– Ты совсем охренел, Бёрк? – парень остановился в паре ярдов от того места, где я стоял, прислонившись к его новенькой машине. Он отключил сигнализацию и вперил в меня свой обозленный взгляд. – Хочешь неприятностей?

Его намек на угрозу вызвал у меня слабую усмешку.

– Как будто ты можешь их доставить, – на этот раз я шагнул вперед, встретившись с ним нос к носу. Я был выше и крупнее, но физическое преимущество не играло роли, когда в моем рукаве лежали другие карты. – Сейчас ты сядешь свою тачку и нахрен уберешься отсюда, но перед этим отдашь мне свой телефон.

– Ты перебрал с выпивкой? – он отступил назад, несмотря на не угасающую враждебность. – Я не собираю...

– Выпускные экзамены, кабинет химии, было весело, правда? Напомни, сколько баллов ты тогда заработал? – на моих губах заиграла лучезарная улыбка. Лицо ван Аллена побелело, я подмигнул. – Это было два, три года назад? Столько ей сейчас?

– Кк-аак ты узнал? – заикаясь спросил он, озираясь по сторонам. На самом деле я мог бы просто вырубить его и отбуксировать тачку куда-нибудь, где ее долгое время никто не заметит. Но это заняло бы слишком много времени, и повсюду здесь были камеры. Поэтому я предпочел излюбленное средство моего старшего брата – шантаж.

– Фокусник не раскрывает своих секретов, – я снова вы-

давил из себя улыбку, но на этот раз она была больше похожа на оскал.

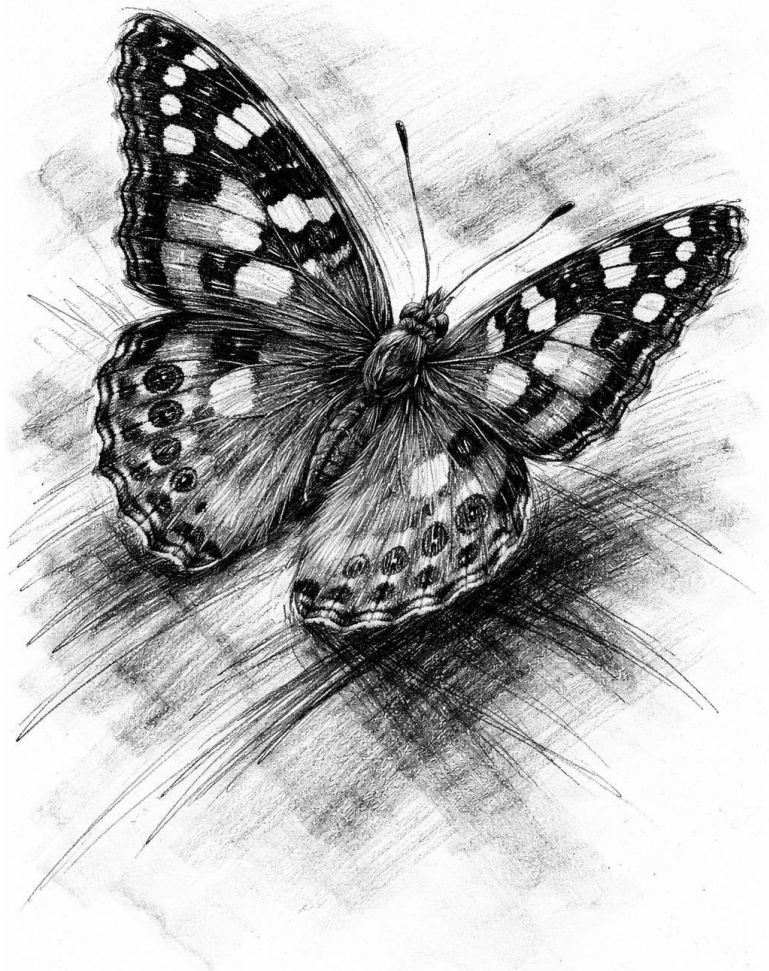
– Там внутри меня ждет девушка, я не могу бросить ее одну, – пробормотал придурок. Вот именно, он не должен был бросать ее, ему следовало послать меня нахрен и вернуться внутрь, а не поджимать хвост как жалкому неудачнику. Чего еще ему не стоило делать, так это трахать свою учительницу прямо в классе, а потом рассчитывать, что об этом никто не узнает. Он не заслуживал даже мимолетного взгляда Авелин, не то чтобы свидания с ней.

Демонстративно бросив взгляд на наручные часы, я протянул руку, требуя его телефон, как только тот оказался в моей ладони, раздался звонок, и имя Авелин вспыхнуло на экране. Я сбросил вызов, вырубив устройство, снова взглянув на парня.

– Поторопись, приятель, даю тебе ровно минуту.

Ван Аллен тяжело сглотнул и поджал губы, я чувствовал, как он хочет дать отпор, но в нынешней ситуации отступить было бы лучшим решением, ведь так или иначе я бы не позволил ему вернуться внутрь. Без дальнейших споров он сел в тачку и сорвался с места, а я направился к ресторану и на поиски официанта, чтобы избавить Авелин от необходимости закрывать счет и оставить щедрые чаевые взамен на небольшую помощь.

Глава 8

Авелин

– Как ты планируешь добираться назад? – внезапно спрашивает Корвин, давая мне осознать всю степень неловкости ситуации, образовавшейся по вине Брэда. Мне хочется позвонить Мэдди и обрушить на нее свою боль, но я держусь, не желая разваливаться на части на глазах у людей.

– Это та часть разговора, когда я должна попросить тебя о помощи? – приподнимая бровь спрашиваю. Корвин улыбается, обнажая ряд белых зубов.

– Тебе не нужно просить, Нимфалида.

Прекрасно, еще одной серии унижений я бы все равно не выдержала.

– Ты прекратишь меня так называть? – спрашиваю, потому что каждый раз, когда с его губ слетает это прозвище, мои внутренности превращаются в беспорядок, а голова затуманивается непрошенными мыслями.

– Нет, – просто отвечает Корвин, поглядывая на часы. – Если хотим успеть до закрытия, нужно поторапливаться, идем, – он встает, даже не объясняя свои слова и пропускает меня вперед, пока мы молча шагаем к выходу.

За то время, что я провела в ресторане, температура воздуха заметно опустилась, поеживаюсь, глядя в ту сторону, где ранее была припаркована машина Брэда. Неужели я дей-

ствительно надеялась, что она все еще будет там, а все случившееся окажется простым недоразумением.

Тяжесть разочарования на моих плечах сменяется теплом мужской кожаной куртки.

– Будет холодно, – объясняет свои действия Корвин, направляясь к мотоциклу, припаркованному на углу у ресторана. При этом сам остается в одной лишь белой футболке. Я спешу догнать его, разглядывая огромного железного зверя со множеством хромированных деталей и сиденьем, покрытым кожей. В отличие от сидений в машине Брэда, это вызывает у меня почти дикий восторг, я не могу удержаться, чтобы не провести кончиками пальцев по мягкому черному покрытию.

– Мы поедem на нем? – я уже знаю ответ, конечно же такой парень как Корвин Бёрк ездит на мотоцикле, но доля сомнения во мне вызвана опасением. – Я никогда раньше не сидела на байке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.